

Современное образование

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Учебник для вузов

Под редакцией
Т.Н. Ушаковой

Современное образование (Когито-Центр)

Коллектив авторов

**Психоллингвистика.
Учебник для вузов**

«Когито-Центр»

2006

УДК 159.9
ББК 88

авторов К.

Психолингвистика. Учебник для вузов / К. авторов — «Когито-Центр», 2006 — (Современное образование (Когито-Центр))

В учебнике представлено содержание современной психолингвистики в структуре, включающей ее общую и отечественную историю, теоретические и прикладные аспекты. Книга имеет широкую направленность. Она адресуется всем, кого интересует жизнь языка в психике человека. Специальные разделы ориентированы на продвинутых студентов и аспирантов. Рассмотрены новые идеи по проблеме речезыковой семантики, отношения языка к мозгу. Включены свежие данные, связанные с новыми открытиями в психогенетике, изучением языковых возможностей высших животных. В новом свете рассмотрена тема детской речи, имеющая прямое отношение к глубинным механизмам речи. Отведено место вопросам речевого воздействия, речевой диагностики, дефектам и недоразвитиям речевых функций. В подготовке текстов приняли участие И. В. Королева, В. И. Лубовский, Е. Е. Ляксо, И. Ю. Марковина, Н. Б. Михайлова, И. В. Ружицкий, И. А. Стернин, Т. Н. Ушакова, Г. Т. Хухуни, Т. В. Черниговская, В. И. Шаховский.

УДК 159.9

ББК 88

© авторов К., 2006
© Когито-Центр, 2006

Содержание

Предисловие	6
Глава I	9
Литература к главе I	13
Глава II	14
2.1. «Нулевой этап»[2]	14
2.1.1. Вклад древних ученых	14
2.1.2. Античные теории слова	14
2.1.3. Божественное происхождение языка	17
2.1.4. Идея рациональности языка. «Грамматика Пор-Рояля»	20
2.1.5. Значение внешних воздействий или внутренних способностей к языку. Лейбниц против Локка	23
2.1.6. Язык и дух. Концепция Вильгельма фон Гумбольдта	28
2.1.7. Язык и мысль. А. А. Потебня и развитие лингвистического психологизма в России	32
2.1.8. Внутренняя форма слова. Ф. Ф. Фортунатов и московская лингвистическая школа	35
2.1.9. Язык – психосоциальное орудие. И. А. Бодуэн де Куртенэ	37
2.1.10. Языки психология народа. Х. Штейнталь	41
2.1.11. «Принципы истории языка» Германа Пауля	43
2.1.12. Язык и психология духовных процессов. Разработки В. Вундта	47
2.1.13. Системность языка. Концепция Ф. де Соссюра	50
2.1.14. Развитие эмпирического аспекта	56
Литература к разделу 2.1	60
2.2. Этап современной психолингвистики	61
2.2.1. Начало[14]	61
Литература к разделу 2.2.1	65
2.2.2. Психолингвистика в нашей стране[15]	66
2.2.2.1	66
2.2.2.2	67
2.2.2.3	70
2.2.2.4	73
2.2.2.5	74
2.2.2.6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Т. Н. Ушакова
Психоллингвистика
Учебник для вузов

© Ушакова Т. Н., 2006

© Коллектив авторов, 2006

© ООО «ПЕР СЭ», оригинал-макет, оформление, 2006

Предисловие

Рождение науки, именуемой *психолингвистикой*, было объявлено в Соединенных Штатах Америки в 1953 году. Образованные отечественные лингвисты чутко и достаточно быстро отреагировали на новое веяние из-за океана: уже в 1957 году маленькую книжечку *О психолингвистике* выпустила языковед О. С. Ахманова. Тема была подхвачена А. А. Леонтьевым, выступившим сначала с реферативной публикацией (*Психолингвистика*, 1967), а затем и оригинальной книгой (*Теория речевой деятельности. Проблемы психолингвистики*, 1968). Эти ранние издания составили начало большого ряда индивидуальных и коллективных монографий, журнальных публикаций, многих конференций и семинаров по проблемам психолингвистики в нашей стране. Они отражали активную исследовательскую и организационную деятельность специалистов по заявленной теме.

Начальное определение предмета психолингвистики было довольно узким. Оно исходило из ее понимания как науки, изучающей процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода, и эти сигналы вызывают понимание у слушающих (Osgood et al., 1954). Некоторое время молодая наука развивалась как у нас, так и на Западе в соответствии с этим недостаточно полным определением. Позднее, однако, обнаружилось два довольно любопытных обстоятельства.

Во-первых, появились свидетельства того, что вряд ли справедливо начинать датировку психолингвистики с того эпизода (самого по себе, безусловно, значительного), когда этой области было присвоено ее привлекательное и емкое имя. Ретроспектива психолингвистических исследований оказывается очень глубокой, и она в полной мере заслуживает того, чтобы занять свое место в истории психолингвистики. Это обстоятельство, к сожалению, недостаточно осознается. Одну из оригинальных сторон данного учебника составляет включение материалов, расширяющих зауженное представление о ее временных границах и объеме имеющихся в науке данных.

Второе возникшее обстоятельство состояло в том, что выявилась притягательная сила имени *психолингвистика* в отношении многих работ, выполнявшихся ранее по различным темам: психологии речи, психоакустики, психогенетики, прикладных речевых разработок. Многие авторы, работающие в названных сферах, изъявили готовность и горячее желание называться психолингвистами. К психолингвистике как строгой «моно-науке» понемногу присоединился большой круг исследований, превративших ее в науку широкую и «веселую», обнимающую многие жизненно и практически поучительные и занимательные знания и потому вызывающую к себе интерес широкого круга людей, не только профессионалов.

Этот интерес проявляется и в наши дни. О его существовании имеется множество свидетельств. Для меня показательна встреча, произошедшая у меня с моими друзьями супругами Е. во время летнего отпуска в Академическом пансионате. Мои друзья – образованные люди, работающие в далеких от психолингвистики областях. Мне казалось, что моя направленность на слово как явление мира человеческой психики лежит в стороне от сферы их научных и жизненных интересов. Однако они настоятельно просили меня рассказать, что такое психолингвистика. Проходящая по живописным аллеям пансионата, мы проговорили однажды все утро, и оказалось, что очень многое из области психолингвистики занимает умы моих друзей. Им была интересна история возникновения в середине XX века новой науки, действующие лица этого события, его обстоятельства. Они спрашивали, и им были понятны мои объяснения о механизме языка. Мы говорили о прирожденности дара слова, о тех несчастных, кому этот дар достался с повреждениями, а также о том, как специалисты умеют помогать людям при их разного рода речевых нарушениях. Будучи родителями двух дочерей, мои друзья интересова-

лись темой развития детской речи. Не оказался обойденным вопрос об языковых способностях животных и об энтузиастах, исследующих эту область.

Этот разговор изменил мои намерения писать строгий научный учебник по психолингвистике для продвинутых студентов и аспирантов, как я сначала предполагала. Научные материалы, конечно, сохраняют свое место в предлагаемой книге, но пусть из-за них не потеряют свой интерес к общим проблемам психолингвистики те, кто посчитает отдельные разделы книги трудно доступными для понимания – такие разделы можно отложить и вернуться к ним позднее. В целом же, книга имеет широкую направленность. Она адресуется всем, кого интересует жизнь языка в психике человека, кого волнует таинственная способность человека превращать в звук наши внутренние состояния и переживания, а также не менее удивительное умение понимать аналогичную возможность в другом человеке. На мой взгляд, каждый думающий человек в той или иной степени размышляет по поводу этой области. В учебнике рассмотрены новые идеи по проблеме речезыковой семантики, приведены материалы по теме отношения языка к мозгу. Включены многие совсем свежие данные, связанные с новыми открытиями в психогенетике, представлены разработки, относящиеся к изучению языка обезьян. Самостоятельный раздел учебника занимает новый аспект рассмотрения детской речи – области, которая имеет прямое отношение к глубинным механизмам функционирования речи и интересна в

своей непосредственной феноменологии. Отведено место вопросам практического характера: речевого воздействия, речевой диагностики, дефектам и недоразвитиям речевых функций.

Концептуальная основа данного учебника была заложена в разработанном мной ранее курсе, частично опубликованном в книгах, изданных под редакцией В. Н. Дружинина *Современная психология*, 1999 года; *Психология*, 2001; *Психология XXI века*, 2003 года. Нынешнее издание по сравнению с прежними значительно расширено по тематике, а также дополнено за счет включения текстов приглашенных авторов, которых я рассматриваю как более компетентных, нежели я сама, специалистов по темам. Авторство приглашенных специалистов отмечено в сносках к их текстам. Такими приглашенными авторами явились (в алфавитном порядке): И. В. Королева, В. И. Лубовский, Е. Е. Ляксо, И. Ю. Марковина, Н. Б. Михайлова, И. В. Ружицкий, И. А. Стернин, Г. Т. Хухуни, Т. В. Черниговская, В. И. Шаховский. Всем им я выражаю свою искреннюю признательность за участие в нашем общем труде.

Хочу также поблагодарить мою помощницу А. С. Свежинцеву, принявшую на себя труд участия в технической подготовке учебника к изданию.

Т. Н. Ушакова

Глава I

Предварительная характеристика основных понятий¹

В этой книге пойдет речь об одной из важнейших сторон психики человека – способности владения словом, языком, речью. Эта способность уникальна: из всех земных существ лишь человеческий род наделен ею. Вместе с разумностью и морально-эстетическим чувством она образует комплекс качеств, высоко поднимающих человека над всем живым миром, составляя необходимую предпосылку общественной жизни людей, создания письменности, науки, культуры и многого другого.

Способность владения словом многогранна и включает ряд компонентов. Используя слова, мы говорим и имеем возможность при помощи внешних средств выразить свои внутренние, скрытые от других психологические состояния (мысли, воспоминания, впечатления, эмоции). Мы также можем воспринимать речь других людей, различать звуки, слова, их связи, понимать мысли и чувства говорящего, проникая тем самым в его внутренний мир. Не упустим и того обстоятельства, что речь строится на основе скрытой от непосредственного проявления системы языка, т. е. при использовании выработанных языковых умений и навыков. Владение словом проявляется в речевом взаимодействии с окружающими людьми. В общении мы пользуемся словом, надеясь быть понятыми, а также и понять других, стараемся оказать воздействие на окружающих и в известных случаях регулируем свое поведение в соответствии с полученными словесными указаниями. Через слово происходит накопление и передача информации, создание устных и письменных текстов. Все это – различные сферы проявления способности владения словом, или, если сказать иначе, речезыковой, вербальной способности.

Природа и сущность этой способности ставит много вопросов перед научным исследованием, и далеко не все они получили свое решение к настоящему времени. Разные науки занимаются исследованием языка и речи. Раньше других этим объектом занялась философия. Ее интересовало место слова в мире явлений, природа имени, отношения слова и вещи, происхождение имен. Этот ранний поиск не иссяк к настоящему времени, превратившись в наши дни в особое направление – философию языка.

К этому же объекту давно обратилась лингвистика (языкознание), направившая свои усилия на изучение речезыкового продукта, производимого говорящими людьми, и скрытой языковой системы, определяющей этот продукт. На основании многовековых исследований проведена обширная и полезная работа по фиксации слов, используемых разными народами, описаны их значения и звучания, разработана классификация и типология слов, рассмотрены их возможные и типичные сочетания, изучены происходящие во времени изменения языков, показана системность их организации, внутренняя взаимосвязанность значения и звучания слов, произведено множество других открытий, накоплен огромный багаж знаний в данной области. Кроме того, многими авторами-лингвистами высказаны ценные суждения, относящиеся к природе и сущности речезыковой способности в целом, о чем мы будем говорить ниже.

Позднее других наук, хотя теперь уже тоже достаточно давно, свои права на рассматриваемый нами объект – речезыковую способность – заявила психология. И эту заявку следует признать вполне правомерной: речь и язык – порождение психики, мозга человека. Речезыковая способность по своей глубинной сущности не имеет принципиального отличия от других психических функций, изучаемых психологией. Речь и язык «погружены» в человеческую психику, речезыковые проявления близки другим психологическим феноменам. Так, осмыс-

¹ Автор раздела Т. Н. Ушакова.

ленность речи связывает ее с сознанием человека, его мыслительными процессами; речевое выражение аффектов – с эмоциями; восприятие речи – одна из форм перцептивной способности; говорение – организация сложных специализированных двигательных актов; хранение и устройство языка – один из видов памяти. К области психологии, несомненно, относятся и такие темы, как онтогенез и филогенез языка и речи, мозговое и генетическое обеспечение речезыковой способности, функционирование речи в социуме, в общении людей между собой. Для психологии изучение вербальной способности людей оказывается неизбежным. Вот почему где-то в конце XIX века в психологических трудах появился раздел *Психология языка и речи*, что к настоящему времени воспринимается как сама собой понятная необходимость.

Вербальная способность интересует психологию не только со стороны порождаемого ею продукта, но более сущностно и глубинно. Психологу требуется понять ее как способность к выполнению всех многообразных вербальных операций, названных выше. Требуется познать также, как эта способность зарождается и развивается у отдельного индивида, почему и как она порой оказывается нарушенной, каковы возможные способы ее коррекции. Поднимается вопрос о связи вербальной способности с мозгом и генетическим аппаратом человека. В настоящее время большую научную значимость приобрели вопросы функционирования языка и речи в социуме: проблемы речевого воздействия и взаимодействия, массовой коммуникации, ведения переговоров, разрешения конфликтов, представления информации в Интернете, разработки речевого канала в технических системах и др.

Можно видеть, что лингвистика и психология занялись исследованием разных сфер проявления одного и того же объекта – вербальной способности человека. Однако границы между этими науками часто оказываются недостаточно четкими. Лингвистика, имея перед собой обширное поле исследовательского материала, в известные периоды своего существования старательно отгораживалась от психологических подходов. Они воспринимались как чуждые ей и недостаточно объективные. Тем не менее в ее истории не раз возникали психологически ориентированные направления, а отдельные весьма авторитетные авторы склонялись к суждениям психологического характера.

Тенденция к отгораживанию уже по отношению к лингвистике нашла своих сторонников и в психологии. В XX веке приобрел популярность тезис, что предметом психологического исследования является речь, но не язык: речь – явление индивидуальное, организуемое в соответствии с психологическими закономерностями; язык – социален, он создается социумом и обслуживает его, он является предметом лингвистики. Этот тезис, будучи некоторое время популярен, все больше теряет своих сторонников в психологии. Пришло осознание того, что язык не в меньшей степени, чем речь, является психологическим феноменом: речевые процессы протекают с участием языковых структур, сформированных в психике говорящего индивида, их нельзя отделить друг от друга. Заметим также, что в старых классических психологических работах (например, В. Вундта) термины *речь* и *язык* употреблялись как синонимичные.

Так какими же на сегодняшний день представляются взаимоотношения психологии и лингвистики в исследовании речи и языка? Существует точка зрения, что эти науки имеют общий объект исследования, но предмет их различен. Это значит, что в обеих науках процесс научной абстракции протекает по-разному, тогда различными оказываются и системы их абстрактных объектов, или логических моделей (Леонтьев, 1999, с. 6–8). Это, возможно, так, но нам важно понять, существует ли взаимная польза от встречи обеих наук, могут ли они, в принципе, дополнять друг друга.

Представляется обоснованным положительный ответ на этот вопрос. Дело в том, что психология, занимаясь природой вербальной способности, нуждается в систематическом и квалифицированном описании фактов ее проявления. Эти знания находятся в руках лингвиста. Например, психолог, изучающий ход формирования фонемной системы языка маленького ребенка, должен опираться, хотя бы в минимальной степени, на данные фонологии (раздела

лингвистики), где он найдет ответ на то, что такое фонема, как выявляются различия фонем, как они описываются в их отношении к месту их образования в артикуляторной системе ребенка, как фиксируются противопоставления фонем, каковы фонологические различия разных языков. Такого рода данные позволяют психологу проследить и осмыслить становление фонемного строя языка, развитие рецептивной и артикуляторной способности ребенка (см., например, работы В. И. Бельтюкова).

Пример иного рода может быть взят из области синтаксиса. Если психолог занимается исследованием становления грамматики в детском языке, то ему необходимы лингвистические данные о морфологическом строении слова (желательно в разных языках), о выделенных лингвистами классах слов, грамматических категориях. Только при наличии такого рода данных психолог может понять, в поле каких явлений он работает и насколько общими являются получаемые им факты (см., например, Т. Н. Ушакова, 1979, 2004). Таким образом, лингвистика дает психологическим исследованиям кругозор, предоставляя факты описания языковых и речевых феноменов, используя материал различных национальных языков, характеризуя их системную организацию и проявления, закономерности развития и изменений.

Психологические данные со своей стороны могут быть полезны лингвистической теории в плане придания ей естественнонаучной и социальной ориентированности. Явления языка и речи рассматриваются в психологии в контексте природных и социальных закономерностей жизни человека, учитываются мозговые механизмы речезыковых проявлений. Тем самым результаты, которые получит в своем исследовании психолог, будут существенны для лингвистически ориентированного ученого, в чьи интересы входит глубинное познание вербальной способности.

В целом соединение, взаимное дополнение психологических и лингвистических данных можно рассматривать как форму системного подхода к исследованию речи и языка. В нем реализуется преодоление ограничительных рамок и ведомственных преград, что делает знание об объекте более разносторонним и глубоким, более адекватным действительности. Значимость такого рода подхода для психологической науки неоднократно подчеркивал Б. Ф. Ломов (Ломов, 1984).

Продуктивность объединения психологических и лингвистических данных в исследовании вербальной способности человека оказывается глубинным основанием того, что в середине 50-х годов XX века появилось научное направление, использующее данные и подходы как психологии, так и лингвистики. Это направление получило название «психолингвистика». В ней реализуется направленность на комплексирование исследований и преодоление ведомственных преград.

На основании сказанного можно выявить общий *принцип*, отличающий *исследования психолингвистической ориентации: использование в исследовании (явное или неявное) данных, позиций, подходов и психологии, и лингвистики с целью развития знаний в области природы речи и языка*. Если мы будем иметь в виду данный принцип, то сможем легче разобраться в том, когда в действительности началась психолингвистика, каковы особенности разных периодов ее существования, какие исследования следует квалифицировать как психолингвистические.

Согласно традиционной точке зрения, психолингвистика как новая наука возникла в 1953 году. Эта дата связывается с тем событием, когда группа авторитетных психологов, лингвистов и других специалистов в результате двухмесячной совместной работы на берегу океана в Америке очертила круг проблем и теоретических оснований, которым было дано имя «психолингвистика». С тех пор прошло более полувека увлечений и разочарований этой наукой, которая пришла тем не менее к определенной стабильности развития и накопления позитивных фактов и их теоретических интерпретаций.

Попробуем теперь опереться на принцип, выявляющий суть психолингвистики, чтобы рассмотреть более глубокую историческую ретроспективу и выявить в ней ранние предпо-

сылки этой науки. Мы увидим тогда, что фактически психоллингвистические по своему характеру исследования велись гораздо раньше XX века, они связаны со многими блестящими именами и идеями, оставившими не теряющий ценности след в познании удивительной способности человека пользоваться речью и языком. Мы увидим, что существовал большой отрезок времени в истории вопроса, который еще не имел имени психоллингвистики, но занимался фактически ее предметом. Его можно назвать *«нулевым этапом» развития психоллингвистики*, и его рассмотрение важно для понимания того, на какой основе возникла наука, принявшая имя психоллингвистики. С него мы и начнем наше изложение.

Особенность предлагаемого учебника в том, что в нем объединены указанные направления – психология речи и психоллингвистика, – которые на теперешнем уровне развития науки в силу исторических обстоятельств по традиции понимаются как разные сферы знания. По этой причине при наличии многих недавних учебных публикаций по психоллингвистике тема оказывается представленной в усеченном виде, вне тех значительных достижений, которые были сделаны ранее в психологии и лингвистике. В преодоление указанной ограниченности, произведена разработка общей концепции и содержания учебника по психоллингвистике. Содержание учебника решает задачу заполнения лакун, существующих в освещении литературы по теме.

Литература к главе I

- Ахманова О. С.* О психолингвистике. М., 1957.
- Бельтюков В. И.* Саморазвитие неживой и живой природы. М., 1997. С. 224.
- Белянин В.* Психолингвистика. М., 2003.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М., 1998.
- Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
- Леонтьев А. А.* Теория речевой деятельности. Проблемы психолингвистики, 1968.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. В 2-х т. М., 1989.
- Ушакова Т. Н.* Речь: Истоки и принципы развития. М., 2004.
- Wundt W.* Voelkerpsychologie. Leipzig, 1900.

Глава II

Исторический очерк развития психолингвистики

2.1. «Нулевой этап»²

2.1.1. Вклад древних ученых

Интерес к познанию естественного языка возник у людей столь давно, что в настоящее время нет возможности установить его достоверные истоки и тем более временную датировку. Однако известно, что более двух с половиной тысяч лет назад в Древней Индии были заложены основы научной лингвистической традиции (Нелюбин, Хухуни, 2003, с. 9–15). Основанием появления древнеиндийского языковедения послужили жизненные обстоятельства. Развитие разговорных языков Индии – пракритов – привело к их сильному расхождению с языком, на котором были созданы древнеиндийские религиозные гимны – Веды. Это привело к необходимости выработать принципы описания ведической литературы и языка. В силу этого уже за тысячи лет до нашей эры формировались словари, содержащие описания слов из Вед, создавались комментарии к ведическому языку, вырабатывались принципы анализа языка по линии фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикографии.

При распространении буддизма на другие страны древнеиндийские языковедческие идеи стали раньше других известны в Китае. В Древнюю Грецию они проникли позднее, но еще до начала новой эры. В средние века они стали известны в арабской науке. Позднее других о них узнала и высоко их оценила Европа: в XVIII веке к ним возник здесь большой интерес. Однако, по мнению специалистов, подняться на высоту древних языковедов европейской науке удалось лишь в XIX веке (там же, с. 15).

2.1.2. Античные теории слова

Термин «античный», как известно, применяется для обозначения материальной и духовной культуры двух рабовладельческих обществ – греческого и римского. Учитывая, что культура Рима на протяжении длительного исторического периода формировалась под сильным влиянием Греции, греко-римское языкознание часто рассматривается как единое целое, хотя при этом и оговаривается присущая каждому из них специфика.

Первоначально проблемы языка в Древней Греции являлись предметом философских рассуждений и лишь позднее стали разрабатываться в более конкретном грамматическом плане. Указанное обстоятельство и обусловило традиционное деление греческой лингвистической мысли на *философский* и *грамматический* периоды, хотя попытки философского осмысления явлений языка продолжались на протяжении всего периода существования античной цивилизации, сохраняя свое значение и в наши дни.

Среди основных вопросов, разрабатывавшихся в первый период (хронологически он приблизительно соотносится со временем от конца VI до конца IV века до н. э.), важнейшей проблемой и предметом ожесточенных дискуссий стал вопрос о так называемом «природном» или «условном» характере слов, иначе говоря – о том, *как соотносятся друг с другом предметы и их наименования*. Этот спор привел к формированию двух основных направлений –

² Авторы раздела Г. Т. Хухуни и Т. Н. Ушакова.

«фюсей» («по природе», т. е. название определяется природой предмета) и «тесей» («по установлению», т. е. название представляет собой продукт соглашения между людьми, являясь произвольным и никак не связанным с сущностью предмета).

Основоположниками названных концепций считаются два крупных представителя древнегреческой философской мысли – *Гераклит Эфесский* (540–480 до н. э.) и *Демокрит из Абдеры* (460–370 до н. э.). Первый из них утверждал, что каждое имя неразрывно связано с той вещью, которую оно обозначает; поэтому название отражает природу обозначаемой вещи, подобно тому как дерево отражается в реке, а человек – в зеркале. «У всего существующего есть правильное имя, врожденное от природы... одно и то же у всех» (Античные теории..., 1936). Эту точку зрения излагал в диалоге «Кратил» крупнейший представитель древнегреческой философской мысли *Платон* (ок. 427 – ок. 347 до н. э.).

Вторая концепция, напротив, исходила из того, что вещи обозначаются словами исключительно согласно обычаю, по установлению людей. В противном случае трудно объяснить такие факты, как полисемия (многозначность), синонимия, случаи изменения названий, отсутствие словесных обозначений для целого ряда вещей. Платон передает данную позицию в следующих словах: «...Никакое имя никому не уродено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тем, которые этот обычай установили и так называют» (Античные теории..., 1936).

В этом споре принимали участие такие философы, как Протагор, Эпикур и др. Что же касается Платона, то, изложив устами своих героев – Кратила и Гермодена – обе точки зрения, он, от имени выведенного в диалоге Сократа, занимает среднюю линию. С одной стороны, слово далеко не всегда отражает сущность предмета; с другой – полная случайность связи между словом и предметом сделала бы невозможным человеческое общение. Подлинно правильный язык может существовать только в идее, вначале между звуками и обозначаемыми понятиями должна была существовать внутренняя связь; однако затем от «правильных» первоначальных слов было образовано такое множество других, что внутренняя связь между звуком и значением уже затемнилась и закреплена она благодаря сложившейся традиции.

С названной проблемой был связан и сильно интересовавший многих мыслителей античной Греции вопрос о происхождении языка. Античные философы выдвинули по существу все те идеи, которые значительно позднее (уже к восемнадцатому столетию) оформились как различные теории происхождения языка. Так, представители стоической школы *Хрисиппа* (280–206 до н. э.) придерживались теории звукоподражания, согласно которой язык возник благодаря тому, что человек имитировал звуки природы при помощи своего речевого аппарата. Последователи *Эпикура* (341–270 до н. э.) склонялись к мысли, что более правильной следует признать теорию междометий, согласно которой первоначальными элементами языка были произвольные выкрики, сопровождавшие те или иные человеческие эмоции. Отдельные же мысли *Демокрита*, нашедшие отражение в упомянутом выше диалоге Платона «Кратил», впоследствии составили основу теории социального договора, считавшей язык продуктом соглашения между людьми.

Одним из важных аспектов древнегреческой философии языка стала попытка осуществить классификацию слов на логической основе, которая впоследствии легла в основу традиционной схемы частей речи, сохранившейся с некоторыми изменениями вплоть до наших дней. Начало ее связано с именем Платона, который выделял в языке, или речи, две части – имя и глагол. К первому относятся слова, о которых что-либо утверждается (т. е. выступающие в функции подлежащих), ко второму – слова, показывающие, что именно утверждается об именах (т. е. выполняющие функцию сказуемых). Однако подлинная разработка логической системы частей речи связана с именем крупнейшего мыслителя античной Греции – *Аристотеля* (384–322 до н. э.).

Считая, что «природных» имен не существует и последние получают условное значение, когда становятся символами, Аристотель в своем труде «Поэтика» выделял следующие части речи: элемент, слог, союз, имя, глагол, член (т. е. артикль), падеж, предложение. Важнейшим среди них являются имя и глагол; различие между ними состоит в том, что значение первого лишено оттенка времени, а второе им обладает. Как имена, так и глаголы могут иметь падежи – косвенные формы и формы множественного числа.

После Аристотеля значительный вклад в изучение языка внесли представители стоической школы, которые, собственно, и перенесли логический термин «часть речи» в изучение языка. Уточнив понятие падежа и указав, что оно может применяться только по отношению к именам, они разделили падежи на прямой (именительный) и косвенные и дали последним названия (родительный, дательный и т. п.), которые в дальнейшем закрепились и в греческой, и – с добавлением отложительного падежа, аблятива – в латинской грамматике, перейдя впоследствии и в грамматики других языков. Представителям стоической школы обязан своим использованием и термин «синтаксис».

Будучи сторонниками концепции «фюсей» и считая, что слова изначально истинны и отражают действительную природу обозначаемых ими вещей, стоики поставили задачу: исследуя слова, вскрыть их истинную природу – этимон (по-гречески – «истина»). Поэтому с ними связывают зарождение этимологии – науки об истинном значении слова (хотя следует оговорить, что этимологическими рассуждениями занимался еще Платон). Однако с точки зрения сравнительно-исторического языкознания этимологические изыскания стоиков (как, впрочем, и других античных, средневековых и позднейших авторов вплоть до девятнадцатого века) являлись в своем большинстве ненаучными, что, впрочем, не умаляет их значения с философско-психологической точки зрения.

Наконец, говоря о древнегреческой философии языка, отмечают, что ее представители занимались и такой дисциплиной, как фонетика, хотя при этом отождествляли звуки и буквы.

После походов Александра Македонского и последовавшего вслед за смертью великого завоевателя распада его державы на ряд эллинистических государств (т. е. государств, в которых преобладали греческий язык и греческая культура, которые, однако, в определенной степени взаимодействовали с местными цивилизациями) начинается формирование нового этапа развития греческой лингвистической мысли, который часто называют грамматическим. Центром последнего становится эллинистический Египет, где в третьем-втором веках до н. э. сформировалась так называемая Александрийская школа грамматики, представленная именами *Аристарха Самофракийского*, *Дионисия Фракийского*, *Дионисия Галикарнасского*, *Асклепиада из Мирлеи*, *Деметрия Хлора* и др., создавших собственные, но близкие друг другу грамматические системы. Наиболее известной стала грамматика Дионисия Фракийского (170–90 до н. э.), содержание одной части которой составляет описание звуков речи, а другой – классификация слов и их форм.

Во втором веке до н. э. появляется сочинение *Аполлония Дискола «О синтаксисе»*, причем сам термин толкуется в нем в широком смысле – как обозначение связи речевых элементов в их последовательности (слов в предложении, частей слов при словосложении, букв и слогов в слове и др.).

В рамках Александрийской школы создается и лексикографическая традиция, у истоков которой стояли *Зенодот из Эфеса*, *Аристофан Византийский*, *Аполлодор Афинский* и др. Типы создававшихся ими словарей были разнообразны: глоссарии (толкования непонятных слов и выражений), этимологические (пытавшиеся установить происхождение слов), диалектологические (где отражались особенности греческих диалектов), идеографические (группирующие слова по общности выражаемых ими понятий) и др.

Вне поля внимания александрийских ученых не оставались и философско-психологические аспекты языка. И здесь, в первую очередь, объектом изучения стал вопрос о том, суще-

стует ли в языке какая-либо закономерность (аналогия) или же все зависит от «капризов употребления», часто не совпадающих с общими правилами (аномалия).

Поднявшие эту проблему представители стоической философии утверждали, что господствует в языке именно закрепленная употреблением аномалия.

Представители же Александрийской школы, признанным главой которой считается упоминавшийся выше *Аристарх Самофракийский* (215–143 до н. э.), напротив, считали, что язык обладает регулярным характером и, описывая его слова и формы, необходимо, исходя из соответствующих принципов, указывать на случаи их неправильного употребления. Вероятно, отмеченное обстоятельство предопределило тот факт, что именно с александрийской традицией оказалось связанным создание систематических грамматик, о которых говорилось выше (хотя рядом с регулярными правилами – «аналогиями» в них отмечались и всякого рода отклонения от них – «аномалии»)³.

Что касается древних римлян, то принято считать, что их знакомство с греческой традицией относится к 167 году до н. э., когда в Рим прибыл с посольством глава пергамской школы Кратес из Малоса. Характеризуя вклад римских ученых в изучение языка, часто подчеркивают, что он, по сравнению с трудами их греческих предшественников, был относительно незначителен, поскольку занимались они, главным образом, приложением александрийской системы к латинскому языку. Однако нельзя не обратить внимание на то бесспорное обстоятельство, что многие идеи, выдвинутые греческими авторами, были продолжены в рассуждениях их римских коллег. Наиболее полное отражение они (как, впрочем, и другие аспекты изучения языка) нашли в деятельности крупного римского ученого *Марка Теренция Варрона* (116–27 до н. э.), отличавшегося исключительной широтой интересов и писавшего по самым разнообразным проблемам, включая сельское хозяйство (многие взгляды греческих авторов известны именно благодаря его передаче).

Своеобразным итогом развития античной традиции стали два труда «*Ars grammatica*» («Грамматическое искусство») *Элия Доната* и «*Institutionum grammaticarum*» («Об основах грамматики») *Присциана*. Первая была создана в третьем-четвертом веках нашей эры и представляла собой относительно сжатый свод правил латинской грамматики. Вторая, появившаяся в Константинополе в шестом веке н. э. (т. е., строго говоря, уже после традиционно понимаемого «конца античности»)⁴, состояла из 18 книг, представляя собой самую полную из античных грамматик. Именно она стала основной базой, на которую опирались в своих грамматических изысканиях средневековые авторы.

Таким образом, античные мыслители охватили в своих трудах большинство тех проблем, разработкой которых занимались ученые последующих веков. Поиск античных ученых имел смешанный характер: с одной стороны, усилия направлялись на описание изучаемого явления, что выражалось в грамматических разработках. Это – лингвистическая линия исследований. С другой стороны, ученые стремились понять глубинные основания слова; выясняли, возникает ли язык по уговору или «по природе». Эту сторону следует квалифицировать как психологическую. Таким образом, можно констатировать признаки психоллингвистического подхода в теориях античных ученых.

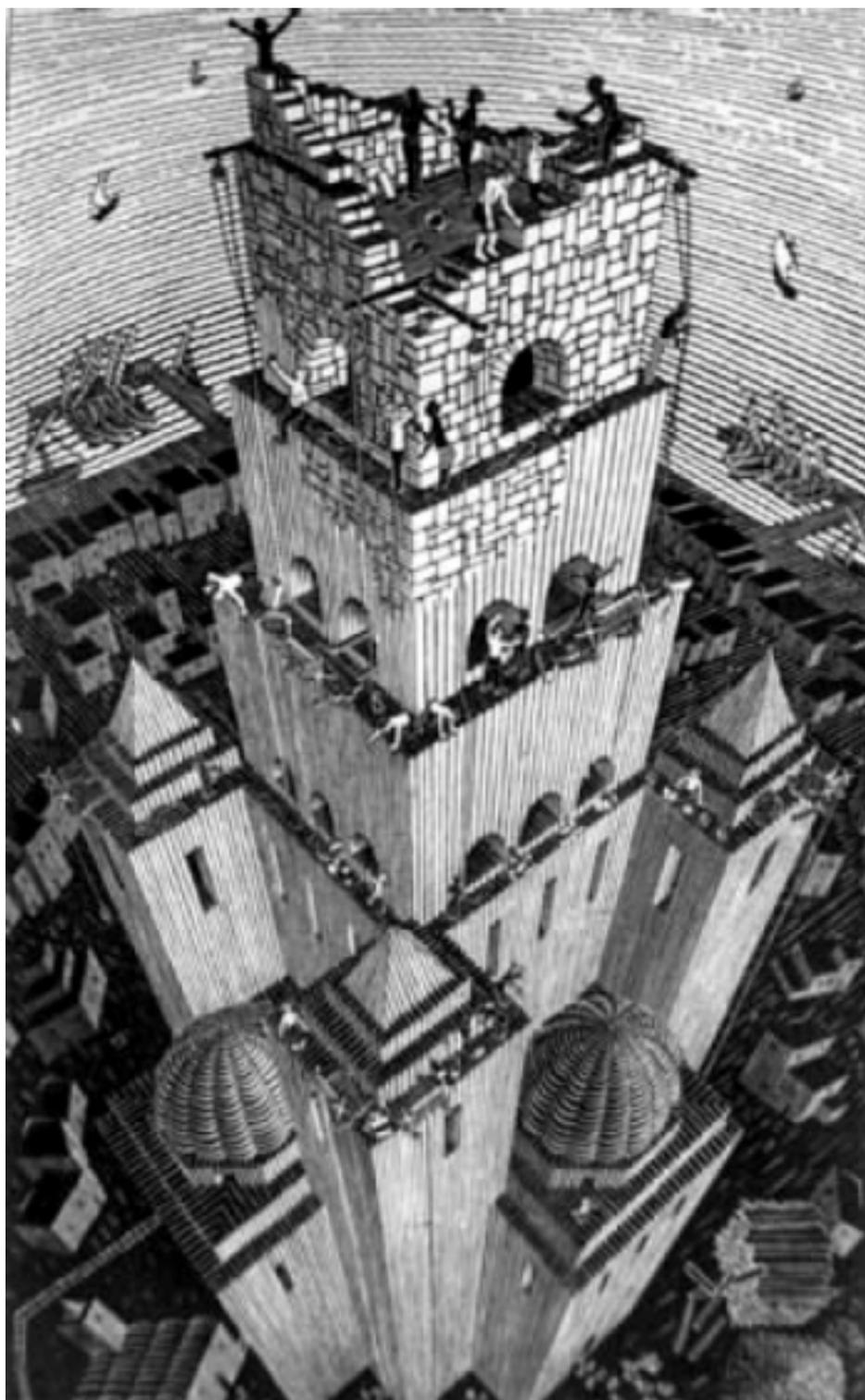
2.1.3. Божественное происхождение языка

Одна из известных теорий происхождения языка говорила о его божественном начале. Она излагается в Библии как история о том, что Бог наделил Адама правом именовать все

³ В русском языке примером аномалии может служить слово «черепаха»: принадлежа грамматически к женскому роду, оно обозначает особей как мужского, так и женского пола.

⁴ Как известно, условным рубежом, отделявшим античность от Средневековья, принято считать 476 год, когда пала Западная римская империя.

творения, созданные на земле. Адам, давая существам имена, вкладывал в них Божественную душу, вводил в мир Бога. Тогда имя становилось важнейшей составной частью называемого объекта и обожествлялось. Требовалось в этом случае объяснить, почему на земле много языков. Этому отвечала легенда о Вавилонской башне. Люди, поселившись в мире, обольстились мыслью о своем могуществе и решили, построив огромную башню высотой до неба, достигнуть Бога. Чтобы помешать их планам, Бог лишил их общего языка. Сделалось вавилонское столпотворение, работа по строительству башни не могла продолжаться, и люди рассеялись по земле каждый со своим языком.

Вавилонская башня. Гравюра М. Эшера. 1928 г.

Много позднее идея божественной сущности языка нашла свое проявление в так называемом *имяславском движении* в религиозно-философских разработках. *Имяславие* (по-гречески – оноματοдоксия) в буквальном переводе означает *прославление имени*. Как философская тема оно зародилось в начале XX века в Афонском монастыре, возглавлявшемся тогда иеромонахом Антонием, и получило довольно широкое распространение в церковной среде, хотя и было поначалу осуждено церковной администрацией. Многие видные отечественные религиозные философы – П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и особенно А. Ф. Лосев – поддерживали и разрабатывали идеи имяславия. Лосев считал их сущностью православного христианства, он рассматривал эту тему в двух своих крупных произведениях: *Философия имени* и *Вещь и имя* (Лосев. *Бытие...*, 1993).

Теория Лосева трактует природу языка в связи с деятельностью Первосущности, т. е. христианской Абсолютной Личности, Творца. Сущность сама себя облекает в язык, семантическую форму, которая соответствует цели самопонимания. Именование – это высший принцип самопроявления Сущности, на его основе через истечение энергии из Первосущности происходят первичные имена. Имя становится «энергичной скрепой» между первосущностью и бытием, внутренним стержнем бытия. В первичном имени содержится основа всех семантических процессов, протекающих в языковой деятельности человека.

Человеческое слово имеет ту же энергичную основу, что и первичные имена, поскольку личность владеет доступной ей степенью сущностной энергии. В человеческом слове происходит общение энергии первичного имени с энергией субъекта. Полное воссоединение с Сущностью в человеческом слове невозможно, но возможно частичное, опосредованное использование символа, несущего на себе энергию Сущности. «В этой вечной и чудесной смысловой игре абсолютного с самим собою и со всем инобытием и заключается последняя тайна именования», – завершает ученый свою вторую книгу *Вещь и имя* (там же, с. 880).

Идея божественности языка нашла свое проявление не только в науке и философии, но также в литературе, искусстве. Дух этой идеи содержится во многих поэтических произведениях Пушкина, Ахматовой. Очень ясно он выражен в стихотворении Н. Гумилева 1919 года *Слово*, сокращенный вариант которого приводится ниже.

*В онный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, словно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.*

Представление о высокой значимости речи и языка выражается и в изобразительном искусстве. Известна фреска Боттичелли XV века, где изображена сцена представления Венерой юноши семи свободным искусствам. Эти искусства: Грамматика (слово, язык), Риторика,

Логика, Арифметика, Астрономия, Геометрия, Музыка. Каждое искусство в виде аллегорической женской фигуры имеет в своих руках символ своего дела. Примечательно, что в руках Грамматики лук – символ посылы, направляемого в цель, а ее фигура возвышается надо всеми другими, символизируя ее власть.

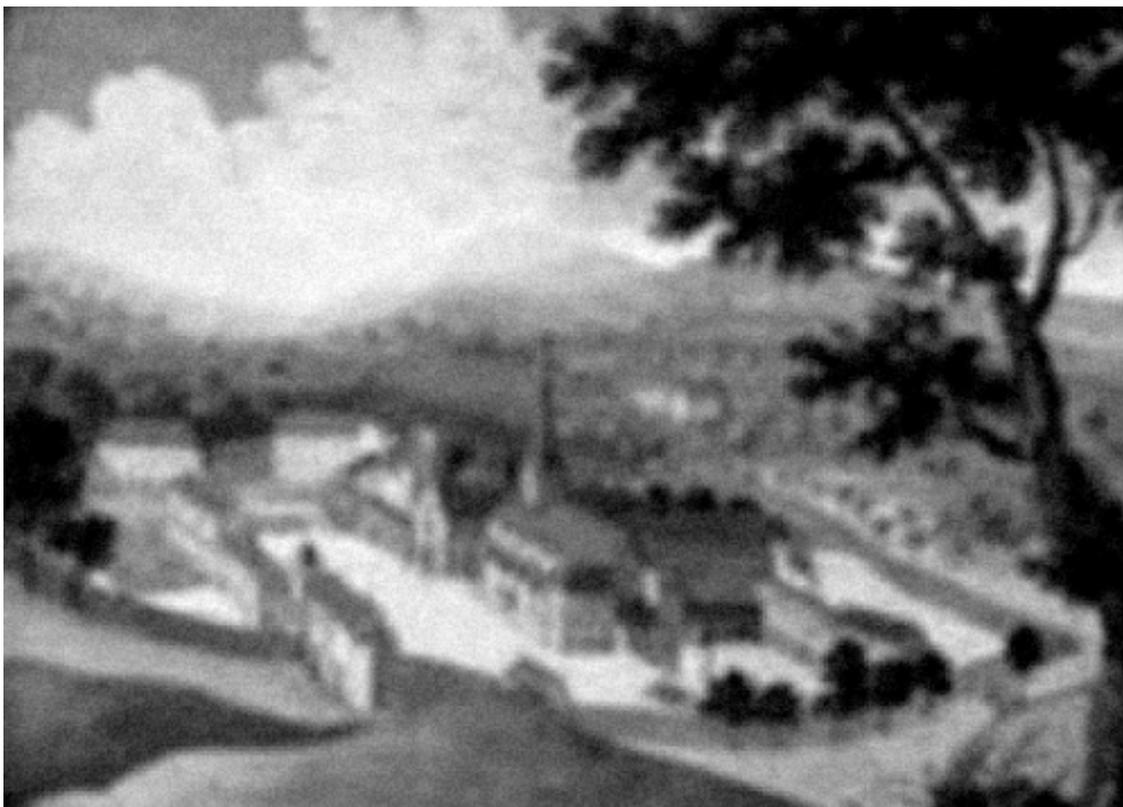

Фреска Боттичелли.

В представленных здесь идеях трудно рассмотреть признаки психолингвистической ориентации. Однако для нашего анализа оказывается привлекательной обращенность к глубинным основаниям слова в мироустройстве. Мифологичность и налет мистицизма в приведенных суждениях не должны заслонить этого.

2.1.4. Идея рациональности языка. «Грамматика Пор-Рояля»

XVII век принес с собой идею рациональности в понимании природы языка. Эта идея восходила к философу Рене Декарту (1596–1650), который в своей работе «Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках» утверждал, что в основе нашего мышления лежат рациональные врожденные идеи: числа, фигур, логические и математические понятия. Из этих идей возникает язык. Хорошо развитое мышление порождает ясный и логичный язык. Логика мысли отражается в логике языка. Каждому акту мысли есть соответствие в языке.

Монастырь Пор-Рояль.

Рациональное отношение к речи и языку отразилось в примечательном произведении, вышедшем в 1660 году в Париже. Это была относительно небольшая книга с длинным по обычаю того времени заглавием: «Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также – многочисленные новые замечания о французском языке». Ее авторами (кстати, в первом издании их имена указаны не были) являлись двое французских ученых – логик и философ *Антуан Арно* (1612–1694) и крупный педагог, знаток классических и новых языков *Клод Лансло* (1615–1695).

Названной работе суждено было стать значительным явлением в истории науки о языке. Отношение к ней в разные эпохи было полярно противоположным – от восторженного признания до почти полного отрицания, но игнорировать этот труд оказалось невозможным.

В истории языкознания он известен под разными именами. Наиболее часто его называли «рациональной грамматикой», подчеркивая (опять-таки с различной оценкой) присущий названному сочинению логический характер. Встречаются также связанные с предыдущим термины «универсальная» и «всеобщая» грамматика (поскольку логическая основа является общей для всех языков). После работ Н. Хомского получило распространение словосочетание «картезианская лингвистика», выделяющая связь представленной в названном сочинении концепции с философской системой Рене Декарта⁵. Называли ее и «философской грамматикой». Наконец, по тому месту, где она была создана – знаменитому женскому монастырю Пор-Рояль под Парижем, вокруг которого существовал кружок ученых, в состав которого входили и авторы грамматики, она известна как «Грамматика Пор-Рояля».

При всей оригинальности и научном новаторстве создателей «Грамматики Пор-Рояля», ее появление имело своих научных предшественников. Во Франции выделяют в этой связи

⁵ Картезиус (Cartesius) – латинизированная форма имени Декарта.

деятельность *Пьера де ля Раме* (латинизированная форма – *Рамус*) (1515–1572), трагически погибшего в Варфоломеевскую ночь. Им были созданы грамматики греческого, латинского и французского языков, в которых, помимо орфографических и морфологических наблюдений, завершается создание синтаксической терминологии и принимает окончательный вид сохранившаяся до наших дней система членов предложения. Еще более важную роль сыграла написанная по-латыни книга испанского ученого *Франсиско Санчеса* (латинизированная форма – *Санкциус*) (1523–1601) «Минерва, или о причинах латинского языка», вышедшая в свет в 1587 году. Ее теоретические основания оказываются близки логическому базису «Граматики Пор-Рояля».

Философской основой концепции авторов «Граматики Пор-Рояля», как уже отмечалось, стала рационалистическая система Декарта, хотя сам Арно и полемизировал со своим великим современником по некоторым вопросам. Основную задачу своей работы авторы видели в создании такой системы, которая позволила бы разумно объяснить явления, либо общие для всех языков, либо присущие хотя бы некоторым из них. Вместе с тем они не отказывались и от решения нормативных задач: сама грамматика определяется как «искусство речи» и в ряде случаев указывается, какие обороты следует «рекомендовать к употреблению». В качестве фактического материала использовались, помимо французского, данные традиционных классических (древнегреческого, латинского, древнееврейского), а также в определенной степени, других языков, прежде всего романских.

Выделяются следующие моменты в основных положениях «Граматики Пор-Рояля»:

– Существует общая логическая основа для всех языков, от которой, однако, отдельные конкретные языки отклоняются в большей или меньшей степени. Грамматика теснейшим образом связана с логикой, призвана ее выражать и базируется на ней. Отсюда следует, что грамматический разбор самым тесным и непосредственным образом связан с логическим.

– Вместе с тем между грамматикой и логикой нет однозначного соответствия. Так, логически сложные понятия могут выражаться в простых словах, а простые понятия – в сложных терминах.

– В каждом языке можно выделить «ясные» и «сложные» значения. Первые логически упорядочены и доступны логическому анализу, по существу и воплощая мысль, которая выражается в языке; вторые представляют собой языковые выражения, логически не упорядоченные, противоречивые, управляемые только обычаем, подверженные моде и капризам вкуса отдельных людей.

– Между двумя слоями языка – рациональным и обиходным – существуют достаточно сложные отношения. «Обиход» не всегда согласуется с «разумом»: например, собственные имена, обозначая вещь единичную и определенную, не нуждаются в артикле, однако последний в греческом часто ставится даже с именами людей, а в итальянском такое употребление стало обычным. Аналогичными «причудами обихода» можно объяснить и родовую принадлежность тех существительных, у которых она не мотивирована: скажем, латинское *arbor* («дерево») женского рода, а французское *arbre* – мужского.

– Предложение определялось в «Грамматике» как высказанное нами суждение об окружающих предметах и говорилось, что каждое предложение имеет обязательно два члена: субъект, о котором что-то утверждается, и атрибут – то, что утверждается. Авторы «Граматики Пор-Рояля» обращают внимание на те случаи, когда одно предложение может заключать в себе несколько суждений. Например, в предложении «Невидимый Бог создал видимый мир» наличествуют три суждения: 1) Бог невидим; 2) Он создал мир; 3) Мир видим. Главным здесь является второе предложение, тогда как первое и третье представляют собой придаточные, входящие в главное как его собственные части.

– В отличие от философов последующего – восемнадцатого столетия Арно и Лансло не говорят прямо о происхождении языка. Однако используемые ими выражения типа «люди

изобрели», «люди придумали» и т. п. позволили исследователям прийти к выводу, что они склонялись к идее, согласно которой язык можно рассматривать как продукт соглашения между людьми и тем самым в какой-то степени их можно признать предшественниками теории «общественного договора».

Дальнейшая судьба «Грамматики Пор-Рояля» оказалась сложной. В течение последующих десятилетий появился, прежде всего в самой Франции, ряд трудов, исходивших из ее основных положений, но вместе с тем модифицирующих и уточняющих их. Особую роль сыграли примечания к ней выполненные почти столетие спустя (в 1754 году) королевским историографом *Шарлем Пино Дюкло* (1704–1772), который рассматривал важный для нормативной грамматики вопрос о соотношении между «разумом» и «обиходом» и возможности сознательного «исправления» языка.

Воздействие «Грамматики Пор-Рояля» не ограничивалось пределами Франции. Будучи переведенной на ряд европейских языков, она послужила толчком для создания ряда аналогичных исследований, среди которых выделяют труд английского ученого *Джеймса Харриса* (1709–1786) «Гермес, или философское исследование о языке и универсальной грамматике», вышедший в 1751 году. Сам же принцип логического подхода к описанию языка продолжал сохраняться еще во многих лингвистических трудах XIX века, найдя свое воплощение в трудах немецкого ученого *Карла Беккера* (1775–1848).

Однако с возникновением сравнительно-исторического языкознания «Грамматика Пор-Рояля», попавшая в «донаучный» период изучения языка, стала объектом ожесточенной критики, прежде всего за то, что в ней отсутствовала идея исторического развития языка, а сами языковые факты «втискивались» в логические схемы. И лишь XX столетие, в свою очередь, пересмотревшее претензии компаративистики на исключительную «научность», вновь «реабилитировало» труд Арно и Лансло, в чем Ноам Хомский сыграл активную роль.

В заключение раздела отметим выраженность психоллингвистической ориентации «Грамматики Пор-Рояля». Основной вектор анализа в книге – последовательное проведение сопоставления логических мыслительных операций, совершаемых по ходу речевой деятельности человеком, со способом выражения этих операций в лингвистических (грамматических) формах.

Проблема выражения в речи мыслительного содержания сохраняет свое значение и в науке сегодняшнего дня. Передача мысли – одна из основных функций языка. Однако передача эта не может происходить непосредственно как некоторого рода «отражение» мысли в речи говорящего. Это «отражение» составляет глубокую научную проблему, частично разрабатываемую в рамках темы «речевая семантика».

2.1.5. Значение внешних воздействий или внутренних способностей к языку. Лейбниц против Локка

Один из активно обсуждаемых вопросов современной психоллингвистики обращен к теме зависимости языка от внешних или внутренних условий. Этот вопрос рассматривается сейчас преимущественно в аспекте онтогенеза: в какой мере речь младенца развивается как усвоение речи окружающих или же основное значение имеют заложенные от рождения психические способности. Эта альтернатива расколола научные позиции. В XX веке преобладала так называемая «социологическая модель», согласно которой «речевое развитие» идет как «вращивание» данного извне языкового материала в психику младенца. Прогресс психогенетики и более пристальное изучение речевого онтогенеза накопили убедительные данные о первостепенной значимости «внутренних», психологических способностей. Альтернатива продолжает сохранять актуальность.

Обращение к истории обнаруживает предшественников сегодняшней проблемы еще в XVII–XVIII веках. Здесь в первую очередь следует назвать имена англичанина *Джона Локка* (1632–1704), отстаивавшего идею первенства внешних воздействий в усвоении языка, и немецкого ученого *Готфрида Лейбница* (1646–1716), подчеркнувшего значение внутренних психологических способностей.

Локк принадлежал к плеяде философов, получивших имя сенсуалистов. Их основная позиция – постараться понять человеческую психику как имеющую естественное происхождение через посредство поступающих из органов чувств впечатлений. Знаменитая формула Локка гласит: «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах». В трактате «Опыт о человеческом разуме» Локк помещает главу «О словах». Здесь он выступает как конвенционалист. Слова – произвольно выбранные обозначения идей. Они вовсе не отражают естественных связей между специфическими звуками и определенными идеями. Назначение слов – быть понятными символами для выражения идей. Слова являются символами идей, а идеи – «подлинное и непосредственное наполнение» знака. В то же время с помощью слов создаются общие и абстрактные идеи. Это дает возможность человеку развиваться в особое, высшее существо на земле.

Дж. Локк

Г. Лейбниц

Готфрид Лейбниц – энциклопедист с широким кругом интересов, математик, лингвист. Он поднял на щит тему внутренних способностей, определяющих возникновение и функционирование языка. К формуле Локка «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах» остроумно добавил: «... кроме самого интеллекта». В своей работе «Новые опыты о человеческом разуме» (1704) он непосредственно полемизировал со своим именитым оппонентом⁶. По мысли Лейбница, душа изначально содержит в себе основания различных понятий, которые только пробуждаются внешними объектами. Врожденные идеи заключены в разуме, как прожилки камня в глыбе мрамора. Слова – не конвенциональные знаки. Они «вовсе не так произвольны и случайны, как это представляется некоторым, поскольку вообще нет ничего случай-

⁶ Отметим попутно высокое нравственное начало в действиях Лейбница. Оппонируя позиции своего старшего и авторитетного современника Локка, он настойчиво, но безуспешно искал с ним прямого контакта (что было в то время не так просто: Локк – житель Англии, Лейбниц – Германии). Когда же в 1704 году Локк умер, Лейбниц не стал публиковать свою уже законченную полемическую книгу «Новые опыты»; книга была издана лишь после смерти самого Лейбница, в 1765 году.

ного в мире, и только наше незнание не позволяет иногда выяснить скрытую от нас причину»⁷. Естественная природа языков, по мнению Лейбница, основана на звуках. Поэтому он активно занимался этимологическим анализом, прослеживал исторические пути происхождения словесных форм, полагая, что в их основе лежит нечто примитивное, первоначальное. В этой связи он изучал этимологию языков Азии, Исландии, Африки, составлял обширные списки семейств слов, работал как современный лингвист.

Общая позиция Лейбница о значении психологических способностей для языка привела ученого к важнейшей мысли, выраженной в труде «Новые опыты о человеческом разуме». Она состояла в том, что язык рассматривался как средство постичь сущность мышления и предпосылка создания «новой логики», которая могла бы стать искусством научного открытия и «инструментом исчисления». Это станет возможным благодаря логическому анализу языка, который, в свою очередь, приведет к созданию универсальной логической символики, содержащей знаки, соотносящиеся со всеми предметами мышления, а также правила оперирования последними, что позволит отобразить всю картину мышления. В связи с этим Лейбниц приходит и к идее создания «философского языка» как инструмента универсального логического исчисления, которая была изложена им еще в 1666 г. в написанной по-латыни диссертации «Об искусстве комбинаторики».

Вообще, идея создания некоего «всемирного идеального языка» в тот период была весьма популярна в научных кругах. Еще в 1629 г. свои взгляды по этому вопросу изложил Рене Декарт, а в 1661 г. одно из сочинений такого рода написал восемнадцатилетний Исаак Ньютон, чьи отношения с Лейбницем, как известно, носили весьма непростой характер в связи с вопросом о приоритете в открытии дифференциального исчисления. Однако труд Лейбница отличается несомненной оригинальностью и является одной из наиболее замечательных работ в этой области.

Ключ к созданию такого рода «философского языка» немецкий мыслитель усматривает прежде всего в разработке проблем пазиграфии – «искусства сноситься посредством общих письменных знаков со всеми народами на земле, говорящими на разных языках, если только они знают эти общие знаки» (цит. по Амирова и др., 1975, с. 199). Считая, что язык должен быть максимально близок к логико-философским и математическим построениям и представлять тем самым «орудие разума», Лейбниц подчеркивал, что слова не только должны передавать сами идеи, но и делать наглядным их соотношение. При этом он исходил из тезиса, согласно которому все сложные идеи можно рассматривать как комбинацию простых идей, подобно тому как все делимые числа представляют собой произведения неделимых. Разложение же сложных понятий на простые и будет осуществляться на основе правил комбинаторики. Согласно последним, различается ряд групп терминов. Термины первого порядка представляют собой простые понятия. Термины второго порядка – пары простых понятий. Термины третьего порядка – это либо три термина первого порядка, либо комбинация двух терминов первого порядка с одним термином второго порядка и т. д. Таким образом, все сложные понятия в конечном итоге могут быть разложены на термины первого порядка, т. е. на своего рода «атомы смысла». Отсюда следует, что словесные рассуждения в принципе могут быть заменены вычислениями, а сам процесс мышления допускает выражение посредством алгебраических превращений.

Такого рода «азбука человеческой мысли» способна выполнять ряд задач. Во-первых, она может служить международным вспомогательным языком. Во-вторых, являясь простой системой символов, она позволит выражать все существующее или возможное знание. Наконец, в-третьих, она станет и орудием открытия новых истин из уже известных путем применения соответствующих формальных правил.

⁷ Цит. по: Амирова и др., 1975, с. 198.

Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, именно эти идеи немецкого философа дали толчок развитию символической логики, а впоследствии оказались полезными и при разработке проблем математической логики.

В ряде своих работ Лейбниц уделял большое внимание проблемам установления языкового родства. Он выражал надежду, что со временем, когда появятся грамматики и словари всех языков мира, будут созданы и основы для разрешения вопроса о классификации языков и родственных отношений между ними. Сам Лейбниц приложил немало усилий для организации описания и исследования ранее не изученных языков, подчеркивая важность установления границ между последними и фиксирования их на географических картах. Особое место в своей программе философ отводил России, на территории которой представлено огромное количество самых разнообразных языков. Еще в 1696 г. в письме Иоганну Габриелю Спарвенфельду, входившему в состав отправлявшегося в Россию шведского посольства и выучившему русский язык, Лейбниц писал: «Было бы хорошо исследовать славянские языки: я постоянно удивляюсь, что часто у соседних народов, каковы германцы и славяне, языки так различны. Может быть, между ними находились в прежнее время народы, которые составляли менее резкий переход от одного языка к другому, которые теперь истреблены. Я вас прошу сказать мне ваше мнение об этом славянском языке: с каким языком он представляет больше сходства, с языком ли поляков, или чехов, или же с языком славян, живущих около Адриатического моря» (Амирова и др., 1975, с. 201).

Впоследствии обширную программу описания многочисленных языков России и создания соответствующих словарей Лейбниц выдвинул в знаменитом письме от 26 октября 1713 года, адресованном Петру Первому (напомним, что император несколько раз лично встречался с немецким философом и высоко ценил его рекомендации, касающиеся распространения науки и просвещения в России).

Именно осуществляя мысли Лейбница, Петр послал взятого в плен под Полтавой шведа Филиппа-Иоганна Страленберга в Сибирь для изучения местных народов и языков. Опубликованные последним в 1730 г. после возвращения на родину материалы сыграли важную роль в дальнейшем развитии языкознания.

Можно видеть, что лингвистическое наследие Лейбница представляет собой разностороннее и многогранное явление, в своем глубинном основании опирающееся на психоллингвистическую по характеру мысль о внутренней обусловленности языковых проявлений.

2.1.6. Язык и дух. Концепция Вильгельма фон Гумбольдта

На смену рационализма 19-й век принес романтическую идею: язык – проявление человеческого духа. Сущность языка в том, как дух обнаруживает себя в нем. Крупнейшим представителем этой позиции стал немецкий ученый Вильгельм Гумбольдт (1767–1835). Он явился одним из крупнейших представителей научно-философской мысли Германии конца XIX – начала XX века, отличался широтой и многообразием научных интересов. В течение ряда лет он занимал ответственные государственные посты, основал Берлинский университет, находился в дружеских отношениях с виднейшими представителями немецкой культуры своего времени (включая Шиллера и Гете), создал ряд работ в области философии, эстетики, юриспруденции, литературоведения, занимался теорией и практикой художественного перевода. Хотя проблемы, связанные с языком, также постоянно находились в сфере его внимания, однако основные труды по языкознанию были созданы им, главным образом, уже в заключительные 10–15 лет жизни. Важнейшими из них признаются: «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820 г.); «О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей» (опубликована в 1825 г.) и др. В последний период Гумбольдт работал над трехтомным сочинением «О языке кави на острове Ява», кото-

рое он не успел завершить. Оно было посмертно опубликовано братом Вильгельма, знаменитым путешественником и естествоиспытателем Александром фон Гумбольдтом. Особое значение имело теоретическое введение к этому труду «О различии строения человеческих языков и их влиянии на духовное развитие человечества», вышедшее в свет в 1836 году и представлявшее собой наиболее полное изложение его концепции. На русском языке основные произведения Гумбольдта вышли в 1984 г., по этому изданию здесь и цитируются его труды.

Создавая свою концепцию, немецкий мыслитель во многом опирался на традиции немецкой классической философии конца восемнадцатого-начала девятнадцатого столетий: Канта (преемственную связь с которым многие историки языкознания признают особенно тесной), Фихте, Шеллинга и принадлежавшего с ним к одному поколению Гегеля. Указанное обстоятельство в какой-то степени сказалось и на стиле гумбольдтовских трудов, что порой приводило к различной (а иногда и диаметрально противоположной интерпретации позднейшими авторами тех или иных его воззрений).

В. фон Гумбольдт

Тем не менее большинство исследователей, излагая взгляды Гумбольдта, выделяют в них ряд основных моментов.

– «Язык вообще» есть проявление «человеческой духовной силы». Каждый отдельный язык неразрывно связан с «духом» говорящего на нем народа. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». Причем, как подчеркивает Гумбольдт, именно «духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от нее».

– Язык теснейшим образом связан с мышлением, которое невозможно без языка. При этом оно «не просто зависит от языка вообще», а «до известной степени: определяется каж-

дым конкретным языком». Отсюда следует, что, помогая человеку познавать мир, язык одновременно определяет, как именно будет происходить сам процесс такого познания. «Человек преимущественно – да даже исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависит от его представлений – живет с предметами так, как их преподносит ему язык: И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка». Различие языков – это не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений. Поэтому при знакомстве с неизвестным языком необходимо его «изучать во всем его своеобразии», а не с позиций другого языка (родного или латинского), поскольку последнее неизбежно приводит к неточности в обозначении грамматических понятий. Например, то, что испанские или португальские исследователи индейских языков называли инфинитивом, отнюдь не совпадает с тем инфинитивом, который имеется в европейских языках.

– Язык представляет собой важнейший компонент человеческой культуры, причем по сравнению с другими ее проявлениями он наиболее бессознателен, «в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов», которые пользуются им, сами не зная, как его построили. Поскольку язык отражает каждую стадию развития культуры, существуют более и менее совершенные языки, хотя, как неоднократно оговаривает Гумбольдт, «язык и цивилизация вовсе не всегда находятся в одинаковом соотношении друг с другом». Более того, так называемые примитивные и некультурные языки могут иметь в своем устройстве выдающиеся достоинства, превосходя в этом отношении «языки более культурных народов».

– Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как создающий процесс; он представляет собой не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*). В подлинном и действительном смысле под языком следует понимать всю совокупность актов речевой деятельности, представляющей собой постоянно возобновляющуюся работу духа, которая направлена на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. Поэтому расчленение языка на слова и правила представляет собой не что иное, как мертвый продукт научного анализа (хотя необходимость последнего Гумбольдт вполне признает). С другой стороны, следует отличать язык как массу всего, произведенного речью, от самой речи в устах народа.

– Язык состоит из материи (субстанции) и формы. Материя представляет собой звук и совокупность тех впечатлений, которые предшествуют образованию понятия, совершаемого с помощью языка. При этом в языке не может быть никакой неоформленной материи: сам звук становится членораздельным благодаря приданию ему формы. Именно она и составляет суть языка, определяясь как «постоянное и единообразное в деятельности духа, возвышающее членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности». Форма каждого языка специфична и неповторима, хотя форма отдельных генетически родственных языков должна находиться в соответствии с формой всей семьи языков, к которой они принадлежат. Вместе с тем, когда речь идет о самых общих чертах, то можно говорить и об общей форме всех языков.

– Языковая форма не сводится к внешней звуковой форме (выражению, создаваемому языком для мышления). Гораздо более важна внутренняя форма, представляющая собой выражение народного духа, способ объективации мысли в языке. В этом смысле язык отражает не предметы, а понятия о них: например, в санскрите слона называют либо дважды пьющим, либо двузубым, либо снабженным рукою. Каждое название содержит особое понятие, но все они обозначают один и тот же предмет.

– Характернейшей чертой языка является то, что он как целое состоит из диалектически связанных друг с другом противоречий – антиномий. Кроме уже отмеченных выше (противопоставление языка и речи, языка и мышления и др.), можно указать и некоторые другие. Например, язык субъективен по отношению к познаваемому и объективен по отношению к

человеку; он вечно изменяется и в то же время необыкновенно устойчив; он принадлежит одновременно и отдельному человеку и целому коллективу. С этим связана важнейшая особенность процесса коммуникации: говорящий и слушающий, воспринимая предмет с разных сторон, вкладывают в одно и то же слово не вполне одинаковый смысл. Поэтому взаимное понимание между говорящими есть вместе с тем непонимание, а согласие в мыслях и чувствах – в то же время и несогласие.

Представленные материалы о взглядах Гумбольдта на природу языка обнаруживают психоллингвистический вектор в основании его позиции: выявление связи языковых проявлений со сторонами человеческой психики – духом народа, духом индивида. Эта тема в несколько модифицированной форме сохраняет свое значение в современной психоллингвистике. Можно в положительном смысле отметить стремление ученого конкретизировать эти трудно определяемые понятия. «Дух народа», «духовная сила народа» сближаются им с феноменом мышления, познанием мира, представлениями, ощущениями, действиями. Он пишет: «первое и самое существенное из того, что дух требует от языка – это не смешение, а четкое разграничение вещи и формы, предмета и отношения... такое разграничение происходит только при образовании грамматических слов». В этой связи Гумбольдт подчеркивает, что именно язык дает такую форму, в языке не может быть никакой неоформленной материи. Постоянное и единообразное в деятельности духа возвышает членораздельный звук до выражения мысли. Гумбольдт выделяет понятие внутренней формы языка как способ объективации мысли. В этой связи находятся его работы по исследованию многих типов языков – флективных, аффиксальных, аморфных и др.

Отметим, однако, что при конкретном характере психоллингвистических исследований Гумбольдта, психологическую часть его работ и используемые понятия все же следует признать расплывчатыми и в известной мере абстрактными. Все же само направление его поиска сохраняет значение и в наши дни.

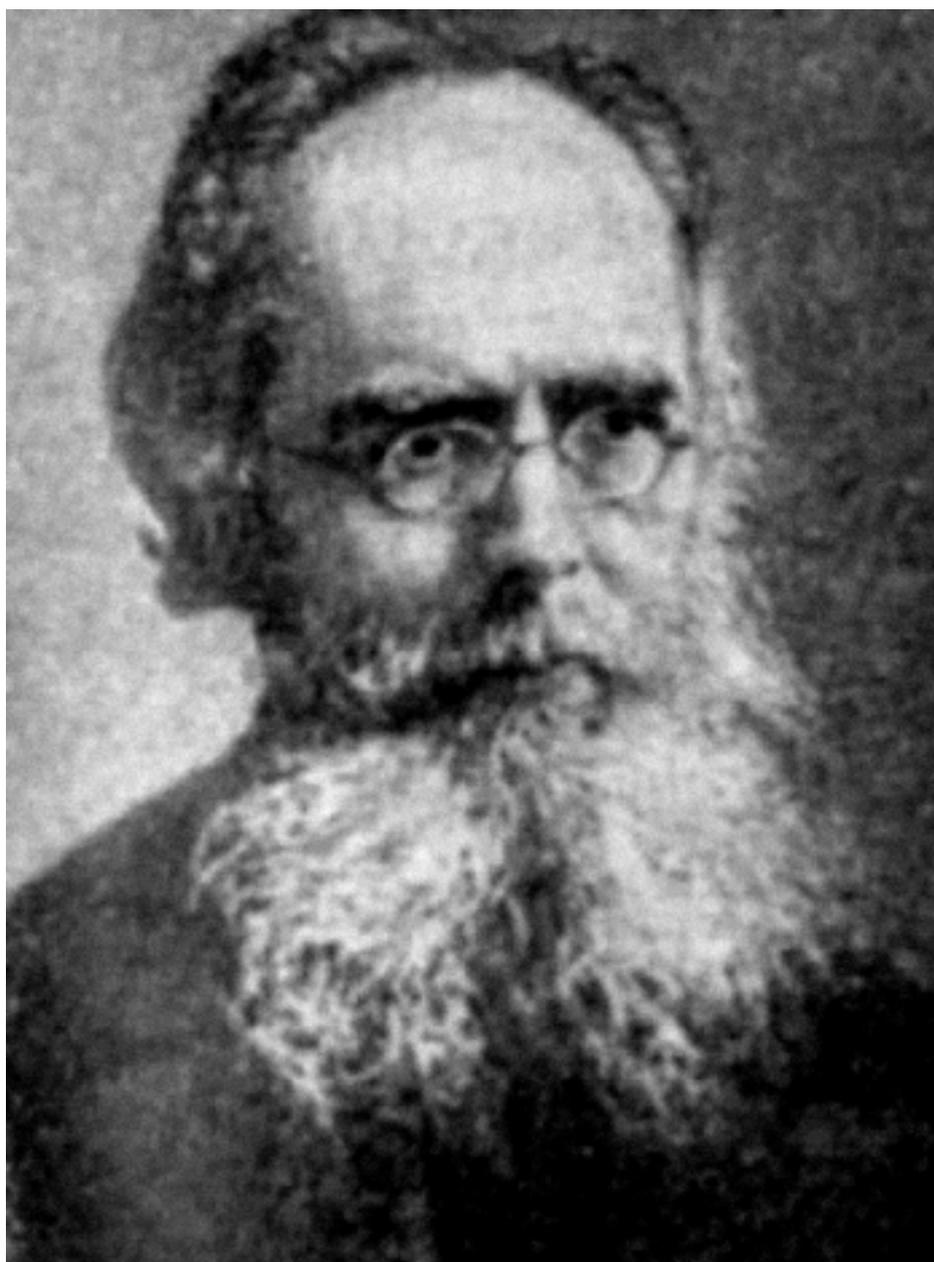
2.1.7. Язык и мысль. А. А. Потебня и развитие лингвистического психологизма в России

Среди последователей Гумбольдта видное место принадлежит нашему соотечественнику Александру Афанасьевичу Потебне (1835–1891). Главная тема его труда – вопрос о соотношении языка и мысли. Эта тема, по его мнению, исчерпывает все языковедение. Основная идея Потебни состояла в том, что язык формирует мысль, является порождающим мысль механизмом. Отсюда возникает возможность увидеть в языкознании материал для изучения развития мысли. Так, грамматические категории дают возможность развиваться основным категориям мысли. Построение предложений можно рассматривать как взаимодействие понятийных категорий. Рост предикативности в языке связан с эволюцией сознания, когда идея процесса, динамики становится ведущей. В этих общих воззрениях Потебни на природу языка можно видеть развитие той линии, которая связана с идеей «промежуточного мира» (мира, создаваемого языком) Вайсгербера, гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

С концепцией А. А. Потебни связано представление о развитии лингвистического психологизма в русском языкознании второй половины девятнадцатого века. Много лет он был профессором Харьковского университета, воспитавшим целую плеяду талантливых (правда, уступивших своему учителю) исследователей и положившему начало направлению, вошедшему в историю науки под именем «потебнианства», или Харьковской лингвистической школы (хотя воздействие его идей и не ограничивалось только кругом непосредственных слушателей). Если первоначально в Потебне видели прежде всего продолжателя идей Гумбольдта и Штейнтала на российской почве, то начиная со второй половины прошлого столетия стали акцентироваться прежде всего оригинальность и своеобразие его мировоззрения. Неоднократно отме-

чалась и широта его интересов: помимо собственно лингвистических работ наследие харьковского языковеда включает труды, посвященные литературоведению, фольклору, мифологии, философии искусства и др.

Приходится принимать во внимание то обстоятельство, что теоретические работы харьковского языковеда (прежде всего относящаяся к 1862 году книга «Мысль и язык» и много-томное исследование «Из записок по русской грамматике», две первые части которого были защищены в качестве докторской диссертации в 1874 году) написаны достаточно своеобразным языком и отличаются специфическим стилем изложения, в какой-то степени затрудняющим выделение основных положений его концепции и последовательное и непротиворечивое изложение последних⁸. Взгляды Потебни можно формулировать в нижеследующих основных тезисах.

А. А. Потебня

⁸ Цитаты из названных работ Потебни приводятся по изданиям 1959 и 1974 гг.

Язык и мышление находятся в сложных и противоречивых отношениях друг с другом. С одной стороны, «область языка далеко не совпадает с областью мысли (ср. творческую мысль живописца, музыканта, шахматиста)»; с другой же – «язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении: средство не выразить уже готовую мысль, а создать ее...»

Язык представляет собой не сложившийся продукт, а деятельность, поток непрерывного словесного творчества (ср. соответствующие высказывания В. фон Гумбольдта). Поэтому слово приобретает смысл только в речи, функционируя в составе предложения и проявляя свои свойства по отношению к другим словам: «... Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет».

Отсюда Потемкина делает вывод, что реально слово всегда имеет только одно значение, поскольку «малейшее изменение в значении делает его другим словом».

В каждом слове выделяется три элемента: членораздельный звук, представление и значение. При этом между значением и представлением существует неравенство: в значении всегда заключено больше, чем в представлении. «Поэтому значение, имеющее более широкий характер, стремится оторваться от сравнительно узкого представления (ср., например, соотношение слова „защита“ со словом „щит“). В результате между ними растет несоответствие, могущее привести к забвению представления».

В слове существует два содержания – субъективное и объективное. Первое представляет собой ближайшее этимологическое значение слова и всегда содержит в себе только один признак; второе является дальнейшим и может содержать множество признаков. Так, стол может иметь ряд признаков, но само слово «стол» означает только «посланное», что и дает возможность обозначать им всякие столы, независимо от формы, величины материала и т. п. «... Ближайшее значение слова *народно*, между тем как дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, *лично*».

Нельзя найти двух человек, которые вкладывали бы одинаковое содержание в слово, поэтому полное понимание в процессе общения невозможно. Вследствие этого «всякое понимание есть непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе и несогласие». Так же невозможен и перевод с одного языка на другой без определенного изменения смысла, ибо слово первого не может быть тождественно слову второго, даже если оба относятся к одному и тому же предмету или явлению.

Если исключить субъективное значение, то в слове «останется только звук, т. е. внешняя форма, и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя». Сама внутренняя форма может быть определена по-разному. Помимо квалификации ее как ближайшего этимологического значения, она понимается как а) отношение содержания мысли к сознанию, показывающее, как представляется человеку его собственная мысль; б) центр образа, т. е. один из его признаков, преобладающий над прочими признаками; в) «образ образа», т. е. представление.

Кроме конкретного (частного, или лексического) значения, слово включает в себе «указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наряду с содержанием многих других». При этом грамматические категории тесно связаны с лексическим значением, поскольку «вещественное и формальное значение слова составляют один акт мысли».

Важнейшим понятием грамматики является грамматическая форма, которая представляет собой «значение, а не звук». Поэтому нельзя отождествлять ее с окончанием, поскольку многие грамматические формы в определенных случаях не имеют звукового обозначения: «Если при сохранении грамматической категории звук, бывший ее поддержкой, теряется, то

это значит не то, что в языке ослабло творчество, а то, что мысль не нуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания другим, более тонким средством, именно знанием места, которое занимают слова в целом, будет ли это целую речью или схемой форм». Таким образом, грамматическая форма представляет собой, прежде всего, семантико-синтаксическое понятие и может выражаться не только формальными элементами слова, но и синтаксическими связями. При этом «нет формы, присутствие и функция которой узнавались бы иначе как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке».

Приведенные материалы показывают, что направленность работы Потебни содержала в себе ясную психолингвистическую ориентацию. Им исследовались и получили конкретизацию важнейшие психолингвистические вопросы – связи мысли и слова, внутренней формы слова. Конечно, по характеру использованного материала и способам его анализа Потебня оставался в первую очередь лингвистом. Однако интуитивно он, видимо, ощущал недостаточность использования только лингвистического материала и настойчиво обращался к психологической, субъективной стороне языковых явлений. Можно надеяться, что идеи Потебни могут быть в наши дни продуктивно развиты в психологическом плане.

Подводя итоги научной деятельности Потебни, следует подчеркнуть, что многие идеи названного ученого сохраняли свою актуальность в течение всего двадцатого века, а представители отечественной психолингвистики обоснованно признают его одним из наиболее выдающихся своих предшественников.

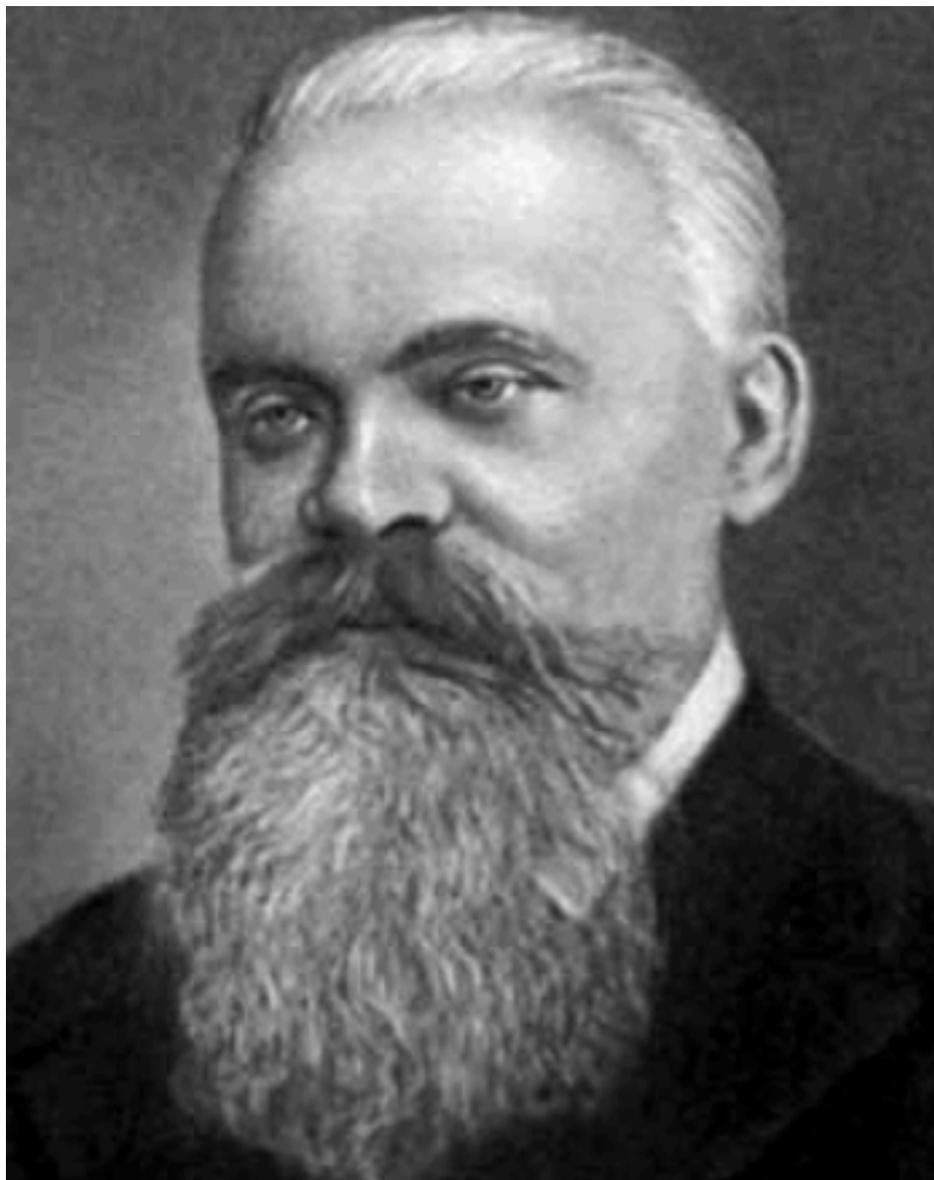
2.1.8. Внутренняя форма слова. Ф. Ф. Фортунатов и московская лингвистическая школа

Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) явился основателем Московской лингвистической школы. Хотя публиковался он относительно мало и притом в основном на малоизвестном в тогдашней Европе русском языке, знали и признали его в зарубежной науке. Активная научно-педагогическая деятельность Фортунатова продолжалась около четверти века и была связана с Московским университетом, где он с 1876 по 1902 год возглавлял кафедру индоевропейских языков. После избрания в академики ученый переехал в Петербург, где принимал участие в работе Отделения русского языка и словесности, редактировал академические издания, но активной научной работы уже не вел. К ученикам Ф. Ф. Фортунатова, внесшим заметный вклад в развитие отечественной науки, принадлежат А. А. Шахматов, Д. Н. Ушаков, В. К. Поржезинский, М. М. Покровский, М. Н. Петерсон, Н. Н. Дурново и ряд других ученых.

Говоря о методологических основах деятельности Фортунатова, часто отмечают, что в ряде существенных моментов он стремился опереться на индивидуальную психологию. Он неоднократно отмечал, что именно она дает конечное объяснение фонетических явлений. Ученый подчеркивал, что «исследование природы значений слов принадлежит той науке, которая изучает духовные явления и называется психологией, т. е. по отношению к значениям слов языковедение связывается с психологией. В психологию входит также и исследование природы той связи, какая существует между звуками речи и их значениями»⁹. Наконец, в основу понятия предложения Фортунатов, как и Пауль, кладет понятие психологического суждения, указывая, что «в психологическом суждении, рассматриваемом по отношению к выражению его в речи, мы можем различать два элемента: первую часть психологического суждения и вторую в открываемом мыслью отношении ее к первой части. Вторая часть психологического суждения может быть названа психологическим сказуемым, а первая, предполагаемая такую вторую частью, – психологическим подлежащим». Именно выражением психологического суждения и

⁹ Цитаты из трудов Ф. Ф. Фортунатова приводятся по публикации 1956 г.

является грамматическое предложение, хотя психологический и грамматический анализ могут и не совпадать. В целом разделял московский языковед и младограмматическую концепцию «звуковых законов».

Ф. Ф. Fortunatov

Вместе с тем в ряде моментов отмечалось определенное своеобразие лингвистического мировоззрения Fortunatova. Прежде всего оно проявлялось в гораздо большем внимании к социальной стороне языка. Ученый неоднократно подчеркивал, что «язык имеет историю; но эту историю язык имеет в обществе, т. е. как язык членов общественного союза... Таким образом, исследование человеческого языка в его истории входит по известным сторонам как составная часть в науку о природе и жизни общественных союзов».

Наиболее оригинальным аспектом концепции Fortunatova справедливо считается разработанное им учение о форме слова. Подразделяя все слова на полные (обозначающие предметы мысли и образующие либо части предложения, либо целые предложения), частичные (служебные) и междометия и указывая, что полные слова могут иметь форму, ученый дает последней следующее определение: «Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих

формальную и основную принадлежность слова». Формальной будет являться та принадлежность, которая видоизменяет значение основной, т. е. аффикс. «Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем формой».

Важнейшей предпосылкой существования формы является, по Фортунатову, ее соотносительность с другими формами. Например, в русском языке слово *несу* обладает формой, поскольку, с одной стороны, в ней можно выделить формальную принадлежность – *у*, общую со словами *веду*, *беру* и т. п., а с другой стороны – основу *нес*, содержащуюся в словах с другими формальными принадлежностями (*несешь*, *несет* и др.). При этом оговаривается, что формальные принадлежности могут быть не только положительными, т. е. материально выраженными, но и отрицательными, т. е. «самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само сознаваться говорящими как формальная принадлежность этого слова к известной форме (общей ему с другими словами) по отношению к другой форме или другим формам, где являются положительные формальные принадлежности в соединении с теми основами слов, которые в данной форме не имеют при себе никакой положительной формальной принадлежности». Например, слово *дам* воспринимается как форма именительного падежа благодаря противопоставлению формам других падежей – *дам-а*, *дам-у* и т. д. Само по себе наличие формы у отдельных полных слов, согласно Фортунатову, не является необходимым для языка как такового (в качестве примера языка, ею не обладающего, традиционно называется китайский); однако в том или ином, специфическом для каждого языка виде она присуща подавляющему большинству языков. В зависимости от того, являются ли формы знаками отдельных предметов мысли или обозначают отношения в предложении, их можно подразделить на формы словообразования и формы словоизменения.

Кроме форм отдельных слов, существуют также и формы словосочетаний (порядок слов, различие в музыкальном ударении и др.), однако, характерны они прежде всего для языков типа китайского, где формы отдельных полных слов отсутствуют.

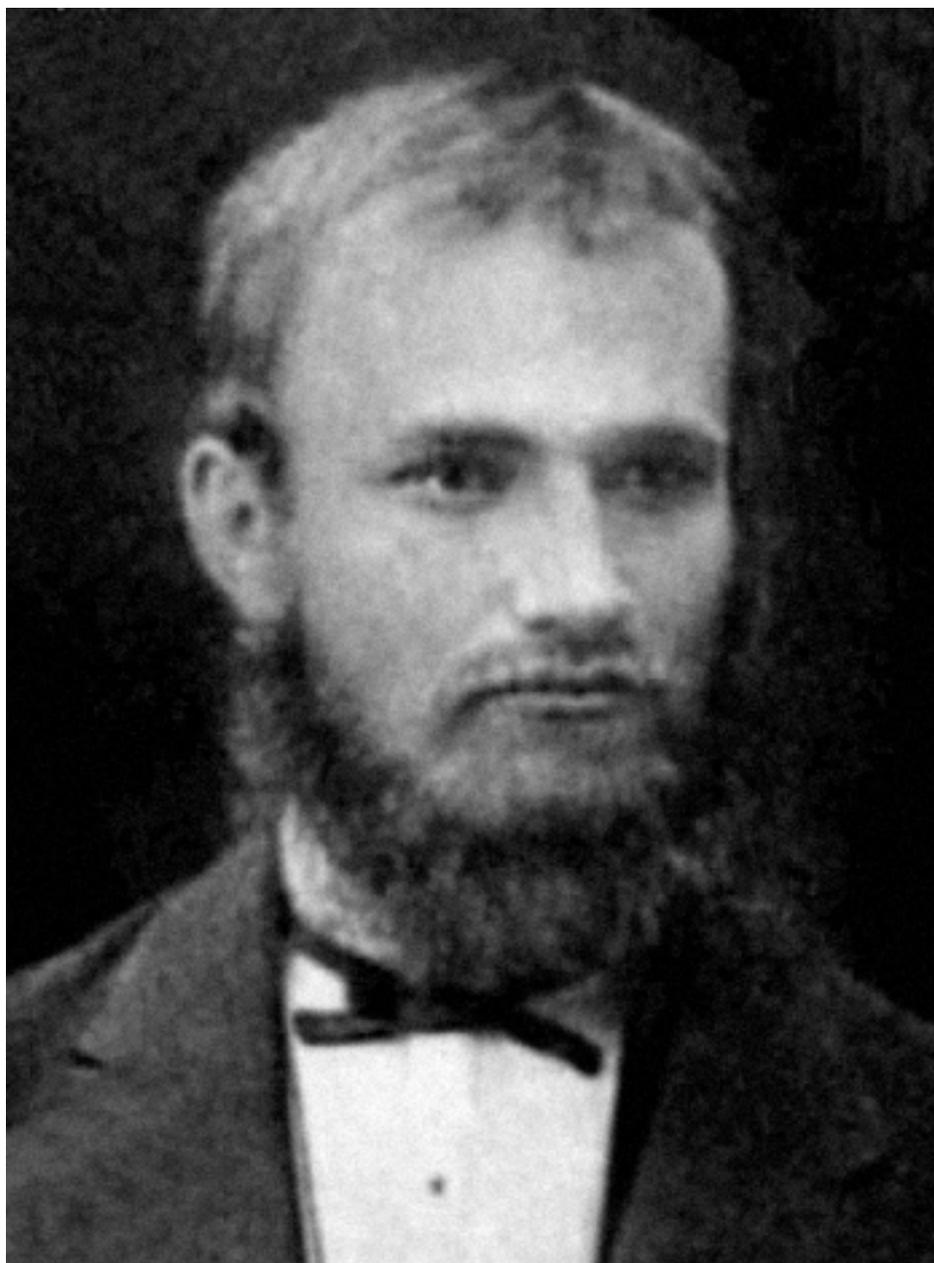
Таким образом, как считает основоположник Московской лингвистической школы, грамматику можно определить как учение о форме, подразделяя ее на морфологию, изучающую формы слов в их отношении между собой, и синтаксис, предметом которого будут формы отдельных слов по отношению к их употреблению в словосочетаниях, а также формы самих словосочетаний.

Очевидна психолингвистическая ориентация значительной части работ Фортунатова. Она выражена в недвусмысленных формулировках, подчеркивающих необходимость участия психологии в исследовании значения слов, связи звуков речи и значений. Она проявляется в направленности ученого на изучение словесной формы, ее структуры и связей. Форму слова Фортунатов считал основополагающим элементом всей грамматики, включая в нее сознание. Обращение к этой теме – крупный шаг в развитии психолингвистической мысли, который находит развитие в современных психолингвистических исследованиях.

2.1.9. Язык – психосоциальное орудие. И. А. Бодуэн де Куртенэ

Среди представителей отечественной науки, называемых в числе предшественников психолингвистики, всегда отводилось большое место Ивану Александровичу Бодуэну де Куртенэ (1845–1929). Носивший фамилию старинного французского рода, бывший поляком по национальности (по-польски его имя звучит как Ян Игнацы Нецислав), жизнь и труды которого были связаны с целым рядом стран и городов (Российская империя – Казань, Юрьев (Тарту), Санкт-Петербург; Австро-Венгерская монархия – Краков; независимая Польша – Варшава), Бодуэн традиционно считается основоположником двух школ русского языкознания – Казанской и Петербургской. Пожалуй больше кого-либо из русских лингвистов он привлекал к себе в мировой науке пристальное, хотя, главным образом, посмертное внимание. Посвященная ему

библиография насчитывает не одну сотню трудов на самых различных языках. Задача сжатого и вместе с тем достаточно полного изложения его идей оказывается достаточно сложной. С одной стороны, обширное наследие ученого почти не включает больших обобщающих трудов, дающих достаточно адекватное представление о его воззрениях на язык в целом¹⁰. С другой стороны, на протяжении нескольких десятилетий творческой деятельности взгляды Бодуэна претерпевали определенную эволюцию.

И. А. Бодуэн де Куртенэ

Тем не менее, суммируя наиболее существенные моменты его концепции, можно отметить следующие особенности.

Уже в ранний период своей деятельности Бодуэн выделил понятие индивидуального языка отдельного человека в круге представлений о человеческой речи вообще как собрании

¹⁰ На русском языке в наиболее полном виде оно представлено в публикации 1963 г., по которой здесь приводятся цитаты его работ.

всех языков, отдельных языков, наречий, говоров. Он отмечал необходимость отличать язык как потенциальное явление, состоящее из определенного комплекса составных частей и категорий, от языка как беспрерывно повторяющегося процесса («язык – речь – слово человеческое»).

Согласно Бодуэну, нельзя анализировать язык, абстрагируясь от его носителя, поскольку «реальной величиной является не „язык“ в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления». У Бодуэна встречаются утверждения, что реально существуют только индивидуальные языки, а понятия национального или племенного языка представляют собой своего рода научную фикцию.

По своей сущности язык представляет собой чисто психическое явление. И именно психическими процессами обусловлены его существование и эволюция. Вместе с тем, поскольку возможен язык только в человеческом обществе, кроме психической в нем необходимо выделять и социальную сторону: «Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология». В связи с этим подчеркивается необходимость изучать «народный язык во всей его полноте, разговорный язык (речь) всех слоев общества данного народа, не только тех, кто ходит в сермягах и зипунах, но и тех, что носят сюртуки... язык всех без исключения сословий... язык разных возрастов (детей, взрослых, стариков и т. п.) и известных состояний человека».

Язык тесно связан с мышлением («мышление и общественность суть необходимые условия существования языка»), но вместе с тем «мышление возможно без языка». Хотя человеческое мышление имеет принципиально одинаковые законы у разных народов, «язык обуславливает склад народного ума». Поэтому, с одной стороны, при замене языкового строя происходит «переворот в складе народного ума вообще»; с другой же, «в тесной связи с мышлением язык может воздействовать на него или ускоряюще, или замедляюще, или усиливающим, или же подавляющим образом».

Наряду с такими видами знания, как непосредственное (интуитивное) и научное (теоретическое), следует выделять и особое языковое знание, представляющее собой «воспринимаемое и познание мира в языковых формах», включающее в себя «знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира как материального, так и индивидуально-психического и социального (общественного). Все стороны жизни преобразовываются в психические эквиваленты, в представления, ассоциирующиеся с языковыми представлениями». При этом, с одной стороны, «только незначительная частичка наличных особенностей и различий физического и общественного мира обозначаются в настоящий момент в речи человеческой», а с другой – «в одном языке отражаются одни группы внеязыковых представлений, в другом – другие». Необходимо также учитывать особенности того или иного периода существования данного языка: «Известные эпохи жизни языка... благоприятствуют обнаружению одних сторон человеческой психики в ее отношении к внешнему миру, другие – обнаружению других сторон; но в каждый момент жизни каждого языка дремлют в зачаточном состоянии такие различия, для которых недостает еще особых экспонентов».

В языке следует различать статику, изучающую «законы равновесия языка», и динамику, исследующую «законы исторического движения языка». При этом подчеркивается: «Нет неподвижности в языке... В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики».

Общий принцип динамического исследования заключается в том, что «фиксируют два реально данных периода в языковом развитии и далее стараются определить, в каком направлении развивались отдельные звуки и вся звуковая система в целом». Отсюда вытекает и повышенное внимание к описательному анализу языка, отличавший Бодуэна от представителей

младogramматической школы. Еще до появления основных трудов лейпцигских коллег он указывал: «Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-либо предшествующего или последующего времени. Задача исследователей состоит в том, чтобы подробным рассмотрением языка в отдельные периоды определить его состояние, сообразное с этими периодами, и только впоследствии показать, каким образом из такого-то и такого-то строя и состава предшествующего времени мог развиться такой-то и такой-то строй последующего... наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав». Одновременно отмечается, что и при статическом изучении необходимо «считаться с фактом наличности, с одной стороны, пережиточных форм, унаследованных от прошлого и уже не соответствующих данному общему строю языка, с другой же стороны, явлений, предвещающих, так сказать, будущее состояние данного племенного и национального языка и еще не подходящих под современное построение этого языка».

Различая, как отмечалось выше, индивидуальные и коллективные языки, Бодуэн подчеркивал, что они тесно связаны между собой, но их развитие происходит по-разному. «Только у индивидуумов имеет место развитие в точном понимании этого слова. Языку же племени свойственно прерывающееся развитие». Отсюда делается вывод, что «язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю».

При характеристике причин языковых изменений Бодуэн де Куртенэ резко расходился с ортодоксальными младogramматиками, отрицая существование так называемых «звуковых законов». Последние, по его словам, представляют собой результат действия самых разнообразных и противоречивых факторов, в связи с чем их вообще нельзя именовать «законами». Он отмечал, что «объяснение языковых явлений может быть только психологическим или в известных пределах физиологическим». Применяя независимо от младogramматиков и раньше их принцип аналогии, Бодуэн, уже начиная с ранних трудов, выделял различные факторы языкового развития: привычку (бессознательную память), бессознательное забвение и непонимание, бессознательное обобщение и непонимание, бессознательное обобщение, бессознательное стремление к дифференциации и особенно к удобству, экономии работы мускулов, нервных ответвлений мозга и т. д., в результате чего упрощаются сложные звуки и их сочетания, увеличивается регулярность морфологической системы и т. п. Языковые изменения связаны с проявлением той или иной общей тенденции в развитии конкретных языков (например, для русского языка характерно ослабление противопоставлений для гласных и его усиление для согласных).

Поскольку «не человек существует для языка, а язык для человека», постольку возможно и необходимо сознательное воздействие на язык. Подчеркивалось, что «язык неотделим от человека и постоянно сопровождает его», представляя собой «психосоциальное орудие», подлежащее совершенствованию: «... Человек должен владеть им еще более полно и сделать еще более зависимым от своего сознательного вмешательства, чем это мы видим в других областях человеческой жизни».

В связи со сказанным ученый уделял большое внимание практическим аспектам научной работы. Он интересовался судьбой искусственных языков (прежде всего созданного в конце девятнадцатого века варшавским врачом Людвигом Заменгофом эсперанто), отдал много сил дополнению и редактированию третьего издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, участвовал совместно с Ф. Ф. Фортунатовым, А. А. Шахматовым и другими тогдашними лингвистами в разработке проекта реформы русской орфографии, который был официально утвержден уже после революции, и т. д. Занимался он и политической деятельностью, в частности, отстаивая права национальных меньшинств царской России.

2.1.10. Языки психология народа. Х. Штейнталь

В середине XIX века в европейской науке формируется направление, получившее название *психологического*, или *психологии языка*. Оно представляло собой развитие традиции, заложенной в предшествующие десятилетия В. фон Гумбольдтом, в трудах которого много внимания уделялось проблемам связи языка с мышлением, «духом народа», явлениями человеческой психики и т. п. Базой для его возникновения стали те процессы, которые происходили в рассматриваемый период в психологии, переживавшей ряд важных событий, связанных с разработкой методики психологического исследования и превращением психологии в экспериментальную дисциплину. Лингвистический психологизм не представлял собой «единого потока» и мог принимать разные формы. В нем можно выделить два основных течения. Представители первого (традиционно именно их историки языкознания и имеют, главным образом, в виду, говоря о психологии языка в собственном смысле слова) рассматривали язык как специфическое проявление *психологии народа* (этнопсихологии), продолжая некоторые идеи Гумбольдта. Странники же второго, также признавая ведущую роль психических факторов в развитии языка, сводили сущность последнего к механизму представлений в сознании каждого отдельного человека, тем самым абсолютизируя индивидуалистический подход. Это второе направление нашло свое наиболее полное воплощение в концепции младограмматиков и, прежде всего, в «Принципах истории языка» Г. Пауля, которому будет посвящен отдельный очерк. Основателем первого признается Хайман (Гейман) Штейнталь (1823–1899), бывший долгое время профессором Берлинского университета и создавший ряд многочисленных трудов, носивших почти исключительно теоретический характер: «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855), «Введение в психологию и языкознание» (2-е издание, 1881), «Характеристика важнейших типов строя языка» (1861) и другие. В 1860 году вместе с философом Морисом Лацарусом (1824–1903), занимавшим профессорскую кафедру сначала в Берне, а потом в Берлине, Штейнталь основал «Журнал психологии народов», на страницах которого идеи названных ученых нашли наиболее яркое воплощение.

Основные положения концепции Штейнталья могут быть представлены в следующем виде. Следует отказаться от логического подхода к языку, господствовавшему в течение многих столетий и сохранявшему достаточно сильные позиции в первые десятилетия XIX в. Языковые и логические понятия соотносятся друг с другом как понятия круга и красного, т. е. являются несовместимыми, – считает Штейнталь.

Предметом языкознания является «язык вообще, т. е. выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков».

Поскольку речь представляет собой духовную деятельность, постольку языкознание относится к числу психологических наук, «упирается в психологию». Основой, на которой оно должно строиться, признается система взглядов немецкого психолога Иоганна Фридриха Гербарта (1776–1841). Последний считал, что деятельность человеческого сознания сводится к самодвижению представлений, управляемому законами ассимиляции (обобщения и закрепления тождественных или близких представлений), апперцепции (определимости нового восприятия массой уже имеющихся в сознании представлений) и ассоциации (установления связей различного рода между представлениями). Исходя из них объясняется образование языка и мышления у индивида, психикой которого и занимался главным образом Гербарт. Правда, одновременно он отмечал, что психология будет оставаться односторонней, пока рассматривает человека вне общества. Отсюда Штейнталь и Лацарус сделали вывод о том, что в обществе возникают особые психологические условия, требующие специального изучения. Поэтому индивидуальная психология должна быть дополнена *психологией народов*, представляющей

собой науку о народном духе. Последний, пребывая в индивиде, не имеет отдельного от него бытия. В нем происходят те же основные процессы, что и в духе индивида; поэтому установленные Гербартом законы должны быть применены и для объяснения происхождения и развития языка в человеческом обществе.

Именно народный дух – меняющийся в истории, но имеющий некое неизменное ядро, которое само определяет все изменения духа – является источником любой деятельности человека и представляет собой основу для одинакового сознания индивидов, составляющих народ, представляющий собой некое замкнутое единство. Сходная физическая организация составляющих его индивидов и сходные физические впечатления, получаемые извне, производят сходные чувства, склонности, желания, а последние – сходные мысли в сходный момент.

Все индивиды, принадлежащие к одному народу, обладают одинаковым народным духом, делающим множество индивидов народом: «Дух есть общий продукт человеческого общества, и духовная деятельность есть истинная жизнь и назначение человека; отсюда дух выражает общедетельность».

Задача народной психологии состоит, в первую очередь, в исследовании образа жизни и форм деятельности духа, определяющих духовную природу разных народов. Проявляется же дух прежде всего в языке, через посредство которого осуществляется вся интеллектуальная деятельность человека, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, традициях и песнопениях.

Психология народов, будучи всеобъемлющей наукой о духовном мире людей, соприкасается с целым рядом областей (антропология, этнология и др.). Но в первую очередь она представляет собой науку о языке, так как «данные языка наиболее ярко иллюстрируют все принципы психологии народов. Единство индивидов в народе отражается в общем для них языке; определенная индивидуальность духа народа нигде не выражается так ярко, как в своеобразной форме языка; его принцип, придающий ему своеобразную форму, является самым подлинным духом народа; совместные действия индивидуума и его народа, главным образом, основываются на языке, на котором и с помощью которого он думает и который все же принадлежит его народу. История языка и историческое развитие духа народа, образование новых народов и новых языков теснейшим образом проникают друг в друга».

При разработке проблемы классификации языков Штейнталь опирается на концепцию формы, представляющую собой психологическую интерпретацию учения Гумбольдта. Разграничивая предметное и языковое мышление, он определяет первое как представления о предметах и явлениях объективного мира, а второе – как представления о представлениях, вычлененных из сферы предметного мышления. Эти представления, носящие, таким образом, вдвойне субъективный характер, образуют внутреннюю форму языка. Она представляет собой историческую категорию, изменяющуюся во времени. Выделяются три ступени ее развития. Первые две относятся к доисторическому периоду, на третьей наступает расцвет внутренней формы, после чего в исторический период она постепенно исчезает из языкового сознания.

Внутренняя форма языка, его внешняя форма (звук) и соотношение между ними определяют специфику всех языков, которые могут быть разделены на языки с формой и языки без формы, причем под последней надо понимать как форму отдельного слова, так и форму предложения.

По мнению Штейнтала (которое разделял и Лацарус), подобная классификация, представляющая языки как выразители духа народов, с одной стороны, отражает сущность языка вообще, а с другой – показывает ее воплощение в отдельных конкретных языках.

Богатые разработки сторонников позиции, рассматривающей язык с точки зрения проявления в нем психологии народов, имели значение в двух отношениях: они поддерживали идею связи психологии и лингвистики и акцентировали значение проблемы психологии народов, науки о народном духе, находящем проявление в языке.

Дальнейшая историческая судьба научного наследия Х. Штейнталя складывалась по-разному. Подавляющее большинство лингвистических течений второй половины XIX столетия приняло присущий рассмотренной концепции антилогицизм и психологизм. Однако многие его положения оказались отвергнутыми. Это относится, в частности, к понятию «духа народа», поскольку языкознание последующих десятилетий опиралось в основном на индивидуальную психологию. Вместе с тем сама идея этнопсихологии, хотя и в достаточно переработанном виде, нашла себе продолжателей, среди которых прежде всего выделяется Вильгельм Вундт.

2.1.11. «Принципы истории языка» Германа Пауля

Среди лингвистических трудов, созданных в последней трети девятнадцатого века, одной из наиболее замечательных работ несомненно являются «Принципы истории языка» Г. Пауля (1846–1921). Будучи признанным теоретиком младограмматизма – направления, господствовавшего в языкознании на протяжении нескольких десятилетий – Пауль вместе с тем вошел в историю науки как создатель лингвистической концепции, с одной стороны, по его собственному выражению, «психологистичной насквозь», а с другой – полемически противопоставленной той «психологии языка», которая связана с именами Х. Штейнталя и В. Вундта.

Первое издание основополагающего сочинения немецкого ученого вышло в свет в 1880 г. За ним последовало несколько новых изданий, а в 1960 г. появился русский перевод (Пауль, 1960), по которому и будут приводиться ниже выдержки из его высказываний.

Отмечая, что языкознание относится к культурно-историческим наукам, которые отличаются от наук естественно-исторических, Пауль подчеркивает, что важнейшим признаком любой культуры следует признавать участие психических факторов. Именно вокруг психического элемента группируются все остальные; поэтому главной основой относящихся сюда наук должна стать именно психология – «законополагающая наука». Вместе с тем нельзя упускать из виду, что в любом историческом развитии наряду с психическими факторами действуют и физические. «Отсюда, – заключает автор „Принципов истории языка“, – вытекает главная задача учения о принципах культуроведческой науки – установление общих условий, при которых психические и физические факторы, следуя свойственным им законам, получают возможность взаимодействовать для достижения общей цели».

Поскольку всякий акт языкового творчества всегда является делом индивида, постольку следует признать, что «на свете столько же отдельных языков, сколько и индивидов». Поэтому для полного описания языка, строго говоря, необходимо было бы провести наблюдение над всей совокупностью представлений, связанных с языком, у каждого отдельного индивида, принадлежащего к данной языковой общности, а затем сравнить между собой результаты отдельных наблюдений. Однако приходится признать, что это невозможно по техническим причинам. Что же касается таких «метафизических понятий», как «дух народа», «психология народов» и т. п., которым отводилось такое большое место в концепции основоположника лингвистического психологизма Г. Штейнталя, то они категорически отвергаются Паулем: «... Нет сознания, кроме сознания отдельных индивидов, и... о народном сознании можно говорить лишь метафорически в смысле большего или меньшего сходства явлений сознания у отдельных индивидов». Отсюда следует, что единственной теоретической опорой изучения языка должна стать индивидуальная психология. Соответственно, «истинным объектом для языковеда является все проявления языковой деятельности у всех индивидов в их взаимодействии друг с другом».

Г. Пауль

При этом используемые говорящим языковые средства хранятся в сфере бессознательного и образуют сложные психические образования, представляющие собой продукты того, что когда-то вступало в сферу сознания при слушании других людей и при собственной речемыслительной деятельности. Представления последовательно произнесенных звуков ассоциируются с представлениями последовательно произведенных движений речевых органов. Таким образом, звуковые и моторные ряды ассоциируются друг с другом. И с теми и с другими ассоциируются представления, для которых они служат символами – не только представления отдельных слов, но и представления синтаксических отношений. И не только отдельные слова, но и более сложные звуковые ряды, целые предложения ассоциируются с заложенным в них мыслительным содержанием. Но так как прямое психическое общение между индивидами невозможно, последнее всегда будет опосредовано физическими связями. Следовательно, процесс коммуникации заключается в том, что душа индивида вызывает в другой душе сочетание представлений, соответствующее своему собственному, образуя при помощи моторных нервов физический продукт, возбуждающий сенсорные нервы другого индивида и вызывающий установление ассоциативных связей. Среди физических продуктов, служащих указанной цели, важнейшим является язык; к остальным средствам относятся прочие звуки, жесты, мимика и

др. При общении мы исходим из предпосылки, что душа другого индивида относится к внешнему миру так же, как и наша, т. е., что одинаковые физические впечатления порождают в ней представления, тождественные нашим, и эти представления схожим образом группируются. Указанные группы представлений образуют психические организмы индивидов, которые и являются действительными носителями исторического развития, поскольку «в качестве физиологического продукта слово бесследно исчезает после того, как приведенные при этом в движение тела опять вернулись в исходное положение». Сам же психический механизм индивида непрерывно меняется, причем эти изменения эволюционны и протекают постепенно.

С другой стороны, автор «Принципов истории языка» неоднократно подчеркивает, что единственным фактором, порождающим язык индивида, является общение, а для его реализации необходима известная степень общности, что предполагает наличие *узуса*. Изменения в индивидуальной психике, равно как и в узусе, обычно происходят бессознательно. Конечно, нельзя исключить и сознательное вмешательство в последний, как, например, деятельность грамматистов по фиксации норм литературного языка, выработка научно-технической терминологии, даже «каприз монарха» в деспотических государствах и т. п. «Но значение такого произвольного вмешательства бесконечно мало по сравнению с медленными, бессознательными и непреднамеренными изменениями, которым узус подвержен. Истинной причиной изменения узуса является обычная речевая деятельность. В этой области исключено всякое преднамеренное воздействие на узус... Изменение узуса является общим итогом ряда частных отклонений в отдельных организмах при условии, что эти отклонения имеют одинаковое направление. То, что первоначально было лишь индивидуальным, превращается в новый узус, который может вытеснить старый... Отсюда следует, что все учение о принципах истории языка связано с вопросом о том, в каких отношениях находится языковой узус с индивидуальной речевой деятельностью, как эта деятельность обуславливается ими и какое влияние оказывают эти изменения на узус».

Рассматривая указанные изменения, Пауль отмечает, что они могут касаться как звуковой стороны языка (фонетические), так и значения (семантические изменения). При этом между ними отсутствует какая-либо связь, хотя со временем могут измениться как звук, так и значение. Для изучения психической стороны речевой деятельности, по мнению ученого, необходимо использовать метод самонаблюдения (интроспекции), благодаря которому можно установить устройство собственного «психического организма», а затем по аналогии делать соответствующие выводы и о других.

Именно приведенные принципы должны лечь в основу исторического изучения языка, которое Пауль, подобно большинству лингвистов позапрошлого века, считал единственно научным, подчеркивая: «То, что хотят представить как неисторическое, но тем не менее научное исследование языка, есть по существу лишь несовершенное историческое его изучение, частично по вине изучающего, частично же по вине изучаемого материала. Как только мы выходим за пределы констатирования отдельных фактов, как только мы пробуем установить связи и постигнуть явления, мы тотчас вступаем на историческую почву, возможно, даже не осознавая этого». Правда, он отнюдь не отрицает важности описания языка и связанных с этим сложностей, предостерегая, в частности, против переноса на характеристику данного состояния черт, присущих более ранним или более поздним стадиям развития соответствующего языка, однако, тут же оговаривает, что самостоятельной теоретической ценности подобная работа не имеет, поскольку ее задача – дать «надежную основу для исторического исследования». Одновременно Пауль, признавая, что «отдельное языковое явление можно исследовать только при постоянном учете всей совокупности языкового материала... только таким путем можно прийти к познанию причинной связи», – утверждает, что «каждая эмпирическая наука поднимается до тем более высокой степени точности, чем лучше ей удастся в явлениях, с кото-

рыми она имеет дело, осуществить изолированное рассмотрение функционирования отдельных фактов».

Именно указанный «атомистический историзм» вызвал больше всего нареканий по адресу автора «Принципов истории языка» (равно как и его коллег-младogramматиков в после-соссюрском языкознании с его культом «структурного синхронизма»). Однако при позднейшем анализе книги Пауля историки науки обращали внимание и на то обстоятельство, что в ней достаточно много внимания уделено «вопросам, не связанным непосредственно с языковой историей» (Алпатова, 2001). Прежде всего здесь приходится отметить разработку грамматических проблем. Так, он подробно рассматривает проблему частей речи, отмечая несовершенство традиционной классификации, но, скептически добавляя, что ее вряд ли удастся заменить более удачной (что, кстати, в значительной мере подтвердили дальнейшие изыскания в этой области). Особый интерес представляют заложенные им основы психологической теории предложения. В нем предлагается выделять психологическое подлежащее – совокупность представлений, с самого же начала известных говорящему, и психологическое сказуемое – совокупность представлений, присоединяемых к подлежащему и содержащих что-то новое (в односоставных предложениях психологическое подлежащее, согласно данной концепции, представляет собой нечто само собой разумеющееся и в его функции может выступать сама ситуация, присутствующая в сознании говорящего или слушающего и не находящая поэтому языкового выражения). Пауль оговаривает, что, хотя грамматические категории возникают на психологической основе, психологическое подлежащее и сказуемое не всегда совпадают с грамматическими: в зависимости от того, что известно и что сообщается нового, в роли психологического подлежащего и психологического сказуемого может выступать любой член предложения независимо от своей грамматической формы. Уже в XX столетии эти идеи были использованы при разработке учения об актуальном членении предложения.

К сказанному можно добавить, что в отличие от многих современных ему лингвистов, сосредоточившихся почти исключительно на проблемах исторической фонетики, Пауль уделял много внимания тем изменениям, которые происходят в области словообразования, синтаксиса и семантики, а разработанная им классификация изменений значений слов (сужение значения, его расширение, перенос значения и прочие случаи – «улучшение» или «ухудшение» значения, литота, гипербола и т. п.) в значительной степени продолжает применяться и в наши дни. Касался ученый и таких вопросов, как устранение языковых «излишеств», принцип экономии языковых средств и ряд других.

Дальнейшая судьба «Принципов истории языка» оказалась весьма противоречивой. Вплоть до появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра эта книга продолжала оставаться самым авторитетным общелингвистическим трудом в европейском языкознании. Однако с начала двадцатых годов прошлого века ситуация в значительной степени изменилась, и для многих представителей занявшего господствующее положение структурализма она превратилась, главным образом, в объект для критики. Определенные коррективы в такое отношение внесло появление психоллингвистики, отдельные представители которой увидели в немецком языке своего предшественника. Показательно в этом смысле высказывание Н. И. Голубевой-Монаткиной: «В целом в своей книге „Принципы истории языка“... Герман Пауль выступает как несомненный и блестящий предтеча психоллингвистики, которым стоит восхищаться, даже принимая во внимание все найденные... в нем и других младogramматиках „недостатки и противоречия“...» (Голубева-Монаткина, 1996).

2.1.12. Язык и психология духовных процессов. Разработки В. Вундта

Вильгельм Вундт (1832–1920 гг.) – врач по профессии, крупный философ и психолог, основатель первого Института экспериментальной психологии в Лейпциге, где он с 1875 г. занимал должность профессора философии, автор ряда многочисленных трудов. Он известен прежде всего первыми двумя томами капитального труда «Психология народов. Исследования законов развития языка, мифов и обычаев», вышедших в свет под общим названием «Язык» в 1900 г., хотя основные положения его теории были опубликованы ранее, в восьмидесятые годы позапрошлого столетия («Язык и мышление», 1888 и др.).

Согласно Вундту, в истории человеческого общества первым звеном был не отдельный индивид, а сообщество индивидов; поэтому вслед за Штейнталем и Лацарусом он также считал необходимым дополнить индивидуальную психологию народной, рассматривая их как составные части общей психологии. При этом Вундт пересмотрел ряд положений своих предшественников.

Он подверг ревизии само понятие «народного духа», отметив, что при рассмотрении объекта «психологии народов» правильнее говорить о «народной душе», понимая под последней совокупное содержание душевных переживаний, а под психическими законами – наблюдаемую в них закономерность. Одновременно Вундт отмечал, что «современная психология должна превзойти школу Гербарта, если только она хочет соответствовать задачам, которые перед ней ставят история языка, с одной стороны, и психология языка – с другой, как этого требует современное состояние науки». В связи со сказанным интеллектуалистическая индивидуальная психология Гербарта заменяется волюнтаристской психологией, которая в качестве основной функции психической жизни человека рассматривает не интеллект, а волю. Соответственно, в отличие от Штейнтала в основу психологического толкования языковых фактов Вундт положил апперцепцию, которую он определял как внутреннюю духовную силу, обуславливающую ход психических процессов. Сам предмет народной (социальной) психологии также подвергается уточнению: из нее исключается все, в чем проявляется особая роль *отдельных личностей* (например, литература); за ее пределы выводятся также этнология, антропология и всеобщая история, однако, отмечается ее связь с эстетикой, философией и философией истории. Объектом психологии должны стать три области: язык, мифы и обычаи. «Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений, их законы и их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли».

В. Вундт

Из всех явлений, порождаемых коллективной жизнью людей, основное место отводится именно языку. «Нам потребуется язык, – подчеркивает немецкий психолог, – чтобы создать устойчивую психологию сложнейших духовных процессов...». При этом, как указывает Вундт, «причины, обуславливающие развитие языка, в их очень значительной части являются... психическими причинами». Современное же языкознание занимается почти исключительно не внутренней, а внешней историей языка: оно «устанавливает последовательность фактов, нимало не заботясь о том, почему они стали такими».

Сам язык определяется как психофизическая деятельность человека, представляющая собой выражение мыслей, чувств и желаний с помощью членораздельных звуков.

С психологической точки зрения трактуются Вундтом и традиционно выделявшиеся в языкознании XIX в. типы языков, которые, по его мнению, представляют собой «естественные ступени психического развития», хотя при этом и оговаривается, что благодаря богатству корней и совершенству грамматического строя на каждой ступени возможен определенный уровень развития. Так обстоит дело, например, с китайским языком, который воплощает самую низшую ступень – корневых («радикальных») языков, когда определенную форму принимает

отдельное представление, создающее себе выражение в языке¹¹; однако, это не мешает ему быть одним из самых развитых языков.

На второй ступени происходит анализ представлений, которые разлагаются на отдельные признаки. Каждый из них рассматривается порознь; затем сумма признаков вновь соединяется в единое целое, благодаря чему оно особенно ясно доводится до сознания. Так обстоит дело в агглютинативных языках. На третьей ступени – инфлекциональных, или флективных языков родственные признаки соединяются, в результате чего развиваются общие представления и понятия.

Звуковому языку, по мнению Вундта, предшествовал язык жестов, который развился из инстинктивных кинематических движений. У этого языка имеется своя «этимология», свой «синтаксис». Однако он всегда остается до известной степени в стадии первобытного состояния. Главное преимущество звукового языка перед ним заключается в том, что звуки непосредственно и эффективно воздействуют на чувства, в чем проявляется его родство с музыкой.

Любой язык, независимо от своей материальной формы, представляет собой систему знаков, при помощи которых человек сообщает другим членам общества ход своих душевных состояний. Поэтому, в отличие от других выразительных движений, он с самого начала мотивирован не только физически, но прежде всего психически. При этом зародиться язык может только в обществе – «там, где существует общая духовная жизнь и где она непосредственно ощущается как общая». Вундт также подчеркивает, что человеческий язык и человеческое мышление возникают и развиваются одновременно. Язык является объективной мерой выраженного через него развития мышления и сам выступает необходимой составляющей частью функции последнего.

Важнейшей единицей языка Вундт считал предложение. Отвергая точку зрения, согласно которой оно представляет собой соединение представлений или соединение слов, Вундт определяет его как «языковое выражение произвольного расчленения целого сложного представления на его составные части, поставленные в логические отношения друг к другу». При этом «сложное представление» (т. е. предложение) распадается на два представления, соответствующие главным грамматическим частям предложения, те делятся также на две части и т. д. Например, первое представление делится на субъект и его свойство, второе – на процесс и объект действия. Слова же получаются путем расчленения предложения и представляют собой, в отличие от него, частичное выражение представления, а в начале своего развития слово соответствовало лишь одному индивидуальному представлению в виде его звукового эквивалента.

Основу грамматических категорий Вундт видел в понятиях. Считая, что формирование частей речи происходит одновременно и параллельно с членами предложения, немецкий психолог утверждал, что классы всеобщих форм слова должны совпадать с классами всеобщих форм понятий. Поэтому в любом языке различаются *существительное, прилагательное и глагол*, поскольку основными категориями понятий являются предмет, свойство и состояние.

Касаясь вопроса о звуковых изменениях, Вундт отказывается от объяснения их чисто физиологическими факторами или языковым смешением. По его мнению, изменение звуков может быть вызвано только действием психофизических факторов, прежде всего темпом речи. Рассматривал ученый и явление аналогии, различая грамматическую и семантическую ее разновидности.

Труды Вундта получили широкий резонанс в современной ему научной мысли, хотя оценивали их различно. Представители сравнительно-исторического языкознания, в первую очередь, его наиболее влиятельного в последней трети позапрошлого века течения – младограмматизма, отнеслись к ним отрицательно, а в книге крупнейшего представителя последнего –

¹¹ Здесь, по мнению Вундта, можно усмотреть аналогию с детской речью, представляющей собой набор отдельных слов, не соединенных флексией.

Г. Пауля – полемике с Вундтом уделено большое место. С другой стороны, отдельные стороны учения немецкого психолога (например, о первичности языка жестов) получили распространение и в XX веке. Среди непосредственных продолжателей Вундта называют обычно имя Отмара Дитриха, хотя в своих позднейших трудах он в значительной степени отошел от воззрений последнего. Однако в исторической перспективе концепция Вундта сыграла важную роль как одна из близких предшественниц современной психолингвистики.

2.1.13. Системность языка. Концепция Ф. де Соссюра

Идея системности языка была введена в научный обиход швейцарским ученым рубежа XIX и XX веков Ф. Де Соссюром (1857–1913). Его подход положил начало новому направлению – структурализму, глубоко проникшему теперь в разные науки: лингвистику, литературоведение, социологию. На психологию разработки Соссюра также оказали сильное влияние. Он провел строгое различие между языком и речью. Язык – это надиндивидуальное, общее явление, социальное по своей природе. Речь состоит в использовании языка, она текуча, неустойчива, переменчива. Язык – предмет изучения лингвистики, речь – психологии.

Главная книга Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» вышла в Женеве в 1916 г. уже после смерти автора. Эта публикация имела неординарную историю.

Соссюр, крайне мало публиковавшийся при жизни, с 1907 г. трижды прочел студентам Женевского университета курс лекций по общему языкознанию, однако никак не оформлял его письменно и тем более в пригодном для печати виде. После его смерти коллеги покойного Шарль Балли (1865–1947) и Альберт Сешэ (187–1946) реконструировали текст лекций по имевшимся в их распоряжении студенческим конспектам разных лет, сведя их в некое единое целое. Впоследствии избранный ими метод «реставрации» соссюровского труда вызвал ряд критических замечаний, но именно воссозданный ими текст стал той отправной точкой, на которую опирались или от которой отталкивались лингвисты последующих десятилетий¹².

¹² В настоящем очерке цитаты из «Курса общей лингвистики» воспроизводятся по изданию 1977 года.

Ф. де Соссюр

Говоря о наиболее характерных чертах представленной в названной работе концепции, часто обращают внимание на использование в ней дихотомий – двух понятий, противопоставленных друг другу – черта, во многом напоминавшая В. фон Гумбольдта. Характеризуя общий феномен речевой деятельности «речи вообще», как свойства, присущего человеку, Соссюр вводит следующие дихотомии:

– Язык «является социальным продуктом: он существует полностью лишь в коллективе». Напротив, речь – это «индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации». Поэтому «в речи нет ничего коллективного, проявления ее индивидуальны и мгновенны».

– Язык – явление чисто психическое, это «клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов». Напротив, речь психофизична, она есть «сумма всего того, что говорят люди» и включает: «а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих, и б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящего и необходимые для реализации этих комбинаций».

– Язык не представляет собой деятельности, это «готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает сознательности». Напротив, речь по определению представляет собой сознательную деятельность говорящего.

– Язык есть существенное, тогда как речь – нечто побочное и случайное.

Соссюр неоднократно подчеркивал взаимосвязь между языком и речью: «... Язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым эффективна; исторически факт речи всегда предшествует языку. Наконец, именно явлениями речи обусловлена эволюция языка: язык одновременно и орудие и продукт речи. Но все это не мешает речи и языку быть двумя совершенно разными вещами». Соответственно, ставится вопрос о необходимости создания в качестве отдельных дисциплин лингвистики языка и лингвистики речи, причем сам Соссюр подчеркивает, что его интересует именно первая: «... Надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием для всех прочих проявлений речевой деятельности».

Рядом с первой дихотомией – языка и речи – в «Курсе общей лингвистики» предлагается и вторая – синхронии (одновременности) и диахронии (разновременности). Первую, согласно Соссюру, можно представить в виде горизонтальной оси, рассматривающей отношение между сосуществующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, вторую же – в виде вертикальной оси, «на которой никогда нельзя рассматривать больше одной вещи сразу и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями».

Как и в первом случае, Соссюр подчеркивает бескомпромиссность и абсолютный характер противопоставления синхронии и диахронии, подчеркивая при этом, что синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность. Если синхрония системна, то диахрония системой не обладает, поскольку изменения происходят не во всей системе в целом, а лишь в отдельных ее частях (хотя и сказываются на системе). Поэтому они могут изучаться отдельно. Соответственно, можно говорить о синхроническом и диахроническом законе (с оговоркой, что само это понятие по отношению к языку в достаточной степени условно): «Синхронический закон – общий закон. Но не императивный: попросту отображая существующий характер вещей, он только констатирует некоторое состояние. Таким образом, если и можно говорить о законе в синхронии, то только в смысле упорядочения, в смысле принципа регулярности.

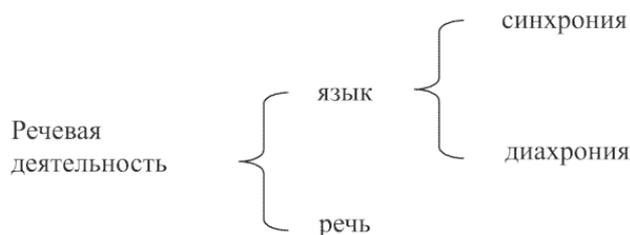
Диахрония предполагает, напротив того, динамический фактор, приводящий к определенному результату, производящий определенное действие. Но... диахронические события всегда в действительности носят случайный характер, несмотря на видимые исключения из этого...»

Резюмируем: синхронические факты, каковы бы они ни были, обладают определенной регулярностью, но совершенно лишены какого-либо императивного характера; напротив, диахронические факты навязаны языку, но не имеют характера общности.

Постулируя – как и в первом случае – необходимость выделения двух лингвистик – синхронической и диахронической, Соссюр подчеркивает, что большая важность синхронии предполагает и примат первой над второй. «Язык есть система, все части которой должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности».

При всей взаимосвязи двух рассмотренных дихотомий (на что указывал и сам Соссюр) взаимоотношение между ними толкуется в «Курсе общей лингвистики» не вполне однозначно. С одной стороны, Соссюр указывает, что «все диахроническое в языке является таковым лишь

через речь. Именно в речи источник всех изменений... факту эволюции всегда предшествует факт или, вернее, множество сходных фактов в сфере речи...». Однако, с другой стороны, предлагаемая им схема составных частей лингвистики:

фактически относит диахронию именно к области языка, отграничивая ее, таким образом, от собственно речи.

Автором «Курса» затрагивается также и вопрос о том, можно ли, помимо синхронии и диахронии, выделять также панхронию (всевременность), т. е. говорить об отношениях, которые являются истинными везде и всегда. Отвечает на него Соссюр следующим образом: «В лингвистике есть правила, переживающие все события. Но это лишь общие принципы, независимые от конкретных фактов; в отношении же частных и осязаемых фактов никакой панхронической точки зрения быть не может: В этом мы и найдем критерий для отличения того, что относится к языку, от того, что к нему не относится. Конкретный факт, допускающий панхроническое объяснение, не может принадлежать языку».

К двум рассмотренным дихотомиям можно присовокупить и дихотомию внешней и внутренней лингвистики. К первой будет относиться изучение условий, в которых развивается и функционирует тот или иной язык (исторические, географические, этнологические и т. п.), предметом же второй является собственно язык как система, подчиняющаяся своему внутреннему порядку. «Мы считаем весьма плодотворным изучение внешнелингвистических, т. е. внеязыковых явлений, – говорится в „Курсе“, – однако, было бы ошибкой утверждать, будто без них нельзя познать внутренний организм языка... Вообще говоря, нет никакой необходимости знать условия, в которых развивался тот или иной язык». Для иллюстрации своего положения Соссюр проводит аналогию с игрой в шахматы (которую он достаточно часто использовал и при рассмотрении других вопросов): «То, что эта игра пришла в Европу из Персии, есть факт внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Если я фигуры из дерева заменяю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет „грамматику“ игры... внутренним является все то, что в какой-либо степени видоизменяет систему».

Одним из важнейших компонентов концепции Соссюра, особенно существенных для интересующей нас темы, является разработанное в «Курсе общей лингвистики» учение о языковом знаке. Последний определяется как «двусторонняя психическая сущность», связывающая не вещь и ее название, а понятие и акустический образ (последний представляет собой «психический отпечаток звука»). Соссюр предлагает называть их означаемым и означающим, отмечая два основных свойства, присущих языковому знаку: произвольность и линейность.

Произвольность должна пониматься как отсутствие естественной связи между означающим и означаемым (немотивированность). Иначе говоря, любое означаемое в принципе может быть выражено любым сочетанием звуков, что доказывается самим фактом существования разных языков.

Линейность присуща означаемому. Суть ее заключается в том, что последнее, развертываясь во времени, обладает протяженностью, которая имеет только одно измерение – линию: элементы означаемого «следуют один за другим, образуя цепь».

Характеризуя языковой знак, Соссюр уделяет особое внимание противоречию, существующему между такими его свойствами, как неизменность и изменчивость.

Первое непосредственно связано с невозможностью сознательного воздействия на язык в собственном смысле слова. «Если по отношению к выражаемому им понятию означаемое представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано. Не только отдельный человек не мог бы, если бы он захотел, ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, каков он есть».

Подчеркивая в этой связи социальную природу языка, Соссюр останавливается на основных причинах, обуславливающих указанную особенность.

Сама произвольность знака лишает смысла вопрос о сознательном его изменении, поскольку нет никаких оснований предпочитать одно означаемое другому. «Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и наоборот, он может быть произволен только потому, что опирается на традицию».

Множественность знаков, существующих в языке (число их – в отличие, например, от букв в системе письма) также препятствует их изменению.

Языковая система обладает слишком сложным характером, постичь который можно лишь путем специальных размышлений и о котором большинство пользующихся языком ничего не знает.

Наконец, важнейшим фактором устойчивости языкового знака является языковая «коллективная косность». «В каждый данный момент язык является делом всех и каждого; будучи распространен в некотором коллективе и служа ему, язык есть нечто такое, чем каждый человек пользуется ежечасно, ежеминутно... Из всех общественных установлений язык предоставляет меньше всего возможностей для проявления инициативы. Он составляет неотъемлемую часть жизни общества, которое, будучи по природе инертным, выступает, прежде всего, как консервативный фактор».

Отсюда делается вывод о невозможности «революции в языке», и о фактической нецелесообразности какого-либо сознательного вмешательства в систему языка и попыток ее регулирования. «Можно было бы представить себе возможность преобразования языка лишь путем вмешательства специалистов, грамматиков, логиков и т. п. Но опыт показывает, что до сего дня такие попытки успеха не имели». С этим связано и скептическое отношение автора «Курса» к проблеме происхождения языка. «Во всякую эпоху, как бы далеко в прошлое мы ни углублялись, язык всегда выступает как наследие предшествующей эпохи. Нетрудно себе представить возможность в прошлом акта, в силу которого в определенный момент названия были присвоены вещам, то есть в силу которого было заключено соглашение о распределении определенных понятий по определенным акустическим образам, хотя реально такой акт никогда и нигде не был засвидетельствован. Фактически всякое общество знает и всегда знало язык только как продукт, который унаследован от предыдущих поколений и который должен быть принят таким, как он есть. Вот почему вопрос о происхождении языка не так важен, как это обычно думают. Такой вопрос не к чему даже и ставить; единственный реальный объект лингвистики – это нормальная и регулярная жизнь уже сложившегося языка. Любое данное состояние языка всегда есть продукт исторических факторов, которые и объясняют, почему знак неизменчив, то есть почему он не поддается никакой произвольной замене».

Факт существования языка во времени, обеспечивает устойчивость знака. «Связь с прошлым, – говорит Соссюр, – ежеминутно препятствует свободе выбора, мы говорим „человек“

и „собака“, потому что и до нас говорили „человек“ и „собака“. Однако, время в большей или меньшей степени изменяет языковые знаки, приводя к сдвигу отношений между означаемым и означающим: эта эволюция является неизбежной: нет языка, который был бы от нее свободен». Неспособность языка сопротивляться обуславливающим подобный сдвиг факторам также вытекает из произвольности знака. «Прочие общественные установления – обычаи, законы и т. п. – основаны в различной степени на естественных отношениях вещей; в них есть необходимое соответствие между использованными средствами и поставленными целями. Даже мода, определяющая наш костюм, не вполне произвольна: нельзя отклониться далее определенной меры от условий, диктуемых свойствами человеческого тела. Язык же, напротив, ничем не ограничен в выборе своих средств, ибо нельзя себе представить, что могло бы воспрепятствовать ассоциации какого угодно понятия с какой угодно последовательностью звуков». Этот фундаментальный принцип, по мнению Соссюра, распространяется и на искусственные языки, если только последние «перейдут в общее пользование», т. е. станут использоваться в качестве коммуникативного средства. «Человек, который пожелал бы создать неизменный язык для будущих поколений, походил бы на курицу, высидевшую утиное яйцо: созданный им язык волей-неволей был бы захвачен течением, увлекающим вообще все языки».

При характеристике основных особенностей языка в «Курсе общей лингвистики» неоднократно повторяется тезис: «Язык есть система знаков, выражающих понятия». С этой точки зрения его можно сравнить с азбукой для глухонемых, символическими обрядами и т. д. Отмечая, что язык является самой важной из знаковых систем, Соссюр вместе с тем подчеркивает, что желающий «обнаружить истинную природу языка должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка». Отсюда следует, что языкознание должно рассматриваться как часть более общей науки, изучающей жизнь знаков в рамках жизни общества, которую предлагается назвать семиологией¹³. «Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются... законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике...»

Системный характер языка, по мнению Соссюра, крайне важен для понимания истинной природы языковых знаков, поскольку с ним связаны следующие характеристики последних:

– Решающую роль играет не положительная сторона языкового знака, а его противопоставленность другим знакам, входящим в данную систему. «В языке нет ничего, кроме различий: в языке имеются только различия без положительных членов системы. И понятие и звуковой материал, заключенные в знаке, имеют меньше значения, нежели то, что есть вокруг него в других знаках. Отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей: язык есть форма, а не субстанция».

– Образующие систему языка знаки вступают между собой в два типа отношений. С одной стороны, они соединяются друг с другом, выстраиваясь один за другим в потоке речи и образуя сочетания, имеющие протяженность (синтагмы). С другой стороны, вне процесса речи слова могут ассоциироваться в памяти, образуя различные группы. Первый тип отношений Соссюр называет синтагматическими, второй – ассоциативными.

– Синтагматические и ассоциативные группы взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Это означает, что составные части синтагмы могут выделяться благодаря соответствующим ассоциативным связям, а координация в пространстве, в свою очередь, способствует их созданию. Например, латинское *quadruplex* «четвертной» является синтагмой лишь потому, что ассоциируется, с одной стороны, с такими словами, как *quadupes*, *quadrifrons*, *quadraginta* и др., а с другой – со словами *simplex*, *triplex*, *centuplex* и др.

¹³ Предполагают, что Соссюру не были известны относящиеся к последней трети девятнадцатого столетия идеи американского ученого Чарльза Сандерса Пирса (1839–1914) относительно такого рода науки о языках, которую он предложил назвать семиотикой; именно этот последний термин закрепился в дальнейшем.

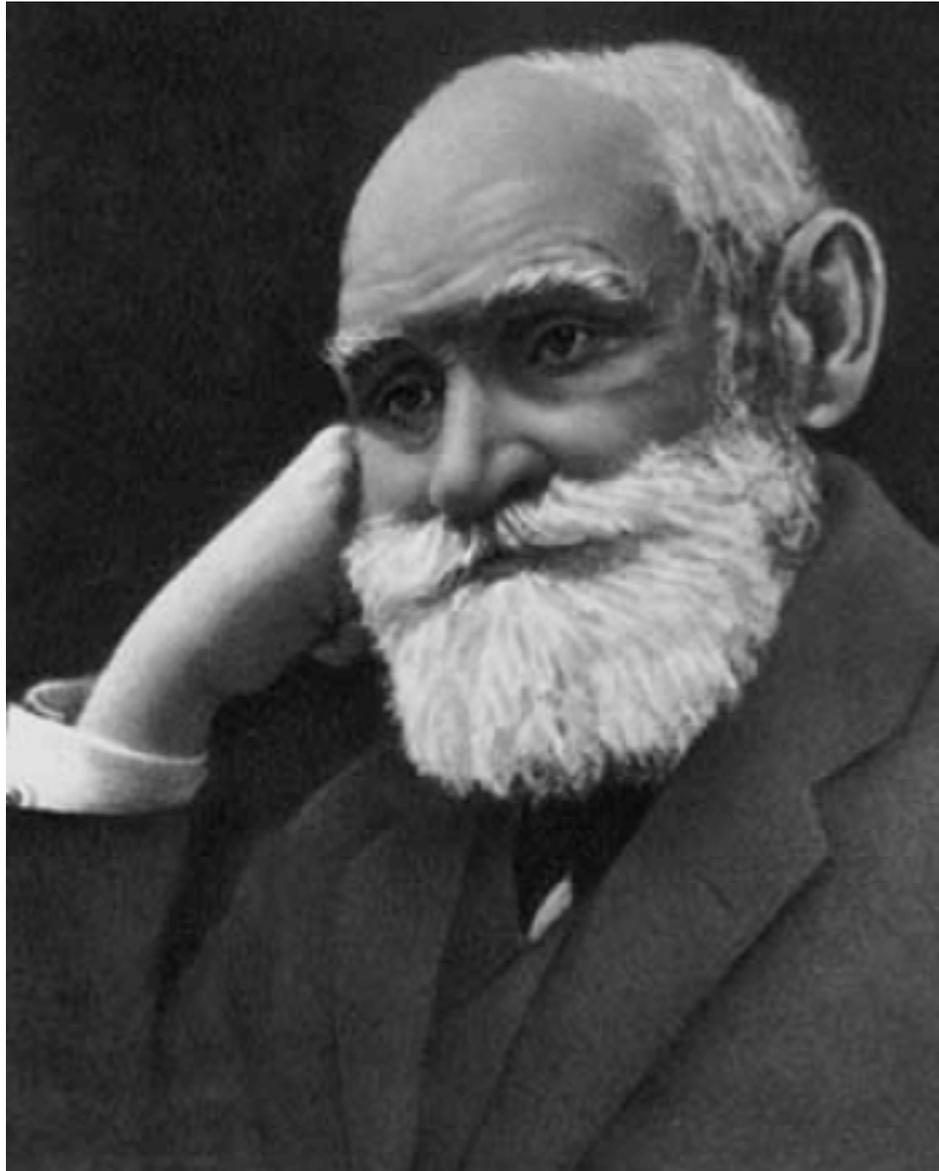
– Вхождение в систему ограничивает произвольность знаков: если одна их часть является абсолютно произвольной, то другая обладает относительной мотивированностью. Например, слова «пять», «десять» немотивированы, но слово «пятьдесят» немотивировано в относительно меньшей степени, поскольку вызывает представление о словах, из которых составлено и с которыми связано.

– Системность языка предполагает различие значения и значимости. «Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но и значимостью, а это нечто совсем другое». Если первое представляет собой соответствие между понятием и акустическим образом внутри знака, то второе определяется его отношением к другим знакам.

2.1.14. Развитие эмпирического аспекта

Вплоть до XX века исследования по интересующей нас тематике носили преимущественно глобальный характер, ставились и обсуждались вопросы наиболее общего свойства: происхождения и развития языка, его природы, связи с рациональной или эмоциональной стороной психики. Такого рода подход был естественен на современном ему уровне развития естественных и гуманитарных наук. В то же время для дальнейшего развития области было необходимо накопление конкретных фактических данных, проверка и уточнение гипотез, порой сужение сферы исследования для достижения более точных результатов.

Именно это и произошло в начале XX века, когда в науке активно развивался эксперимент, возникали подходы к формированию психологии как позитивной науки, опирающейся на объективные факты. В области исследования речи появились темы конкретно-эмпирического характера. Поначалу исследователи пользовались первым доступным объективным методом – наблюдением. Стали накапливаться описания развития детской речи (ее онтогенеза). Привлекли внимание факты речевых ошибок типа оговорок, собирались и издавались словари такого рода форм речевых проявлений. Объектом исследований стали речевые нарушения, патологии речи, наблюдаемые при недоразвитиях, мозговых травмах. Несколько позднее появились темы взаимоотношения речи и мышления, речевой памяти, внутренней и эгоцентрической речи, биологического и социального в языке и речи. Возник поток исследований по отдельным, порой частным проблемам. Здесь следует констатировать этап эмпирической многоаспектности исследований (как это квалифицируется Я. А. Пономаревым).

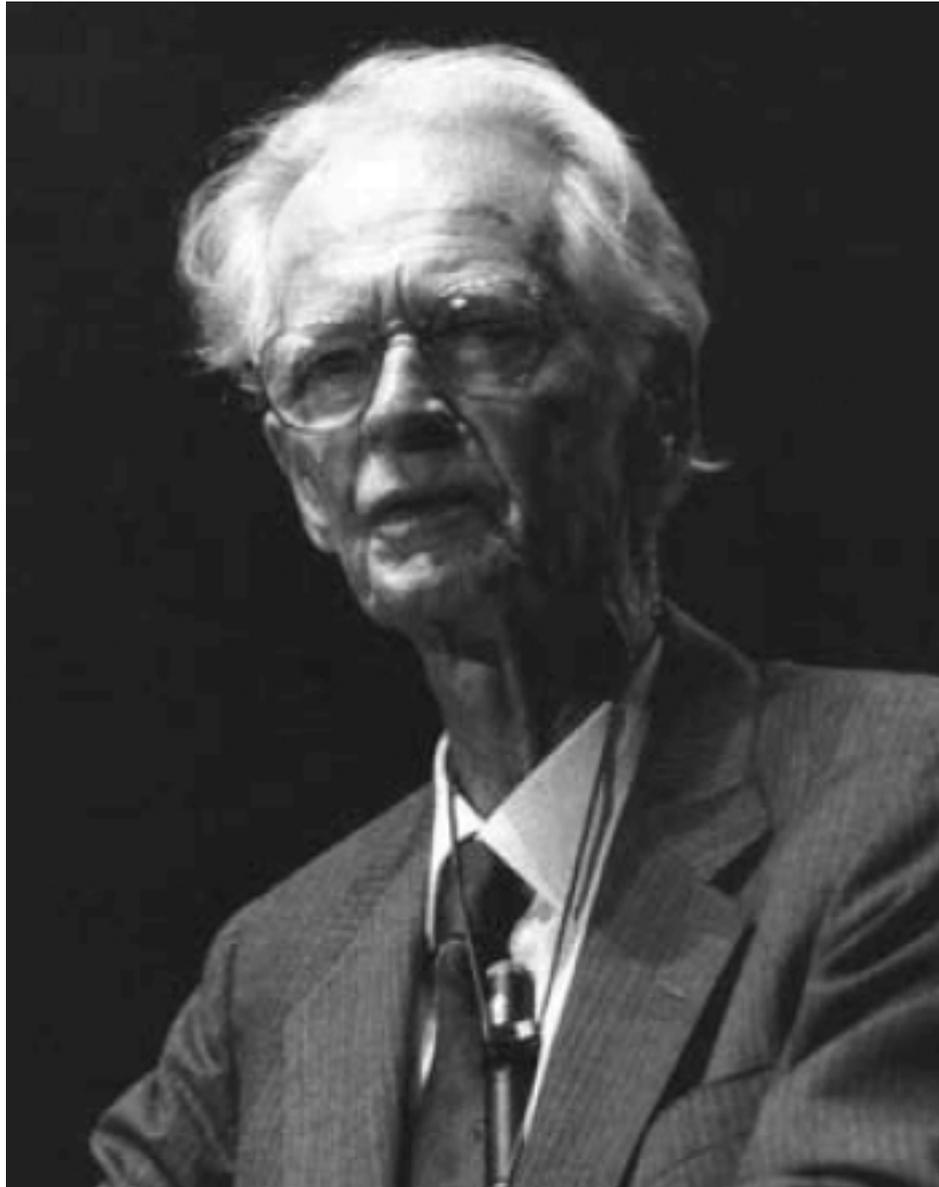
И. П. Павлов

Вместе с накоплением эмпирических данных в первые десятилетия нашего века в рассматриваемой области были сделаны важные теоретические предложения. Среди них следует отметить идею И. П. Павлова о второй сигнальной системе как сложного физиологического механизма, осуществляющего речезыковую деятельность. Концепция второй сигнальной системы была выдвинута в конце жизни ученого и не получила серьезного развития при его участии. Однако она способствовала укреплению естественнонаучной позиции и ориентации на изучение механизмов речи. Поэтому павловский подход подготовил почву для появления когнитивного направления в психолингвистике нашего времени, который как раз и направлен на точное описание скрытых механизмов речезыковых процессов. Главная направленность идеи второй сигнальной системы состояла в том, чтобы выявить в сложнейшей речезыковой деятельности человека некоторые простые основания, сопоставимые с высшей нервной (условнорефлекторной) деятельностью животных. Павлов обратился к феномену слова, предположив, что оно несет на себе функцию особого рода сигнала, действующего в сфере высшей нервной деятельности человека. Слово, по мысли Павлова, это сигнал непосредственных сигналов, которые оно обобщает, создавая возможность отвлечения и абстрагирования от непосредственной действительности. Тем самым вся высшая нервная деятельность человека пре-

образуется, поскольку возникает основа для отвлеченного мышления, а в конечном счете и для науки.

Некоторые из ближайших последователей Павлова пытались неоправданно прямолинейно реализовать в экспериментах идею второй сигнальной системы, разрабатывая так называемую методику речевого подкрепления (см. труды А. Г. Иванова-Смоленского). Другая линия исследований, инициированная Н. И. Красногорским, оказалась значительно более адекватной и успешной. В работе этого ученого был впервые экспериментально выявлен факт существования физиологической связанности слов человеческого лексикона. В экспериментах Н. И. Красногорского и его сотрудника А. Я. Федорова (1935 г.) такого рода связи были обнаружены между одновидовыми и однородными словами (названиями птиц). В последующих исследованиях отечественных и зарубежных авторов (Г. Разрана, Б. Риса, Л. А. Шварц, О. С. Виноградовой, А. Р. Лурии, Т. Н. Ушаковой и др.) выявлен условнорефлекторный характер межсловесных связей и показано, что они являются физиологическим основанием так называемых «вербальных сетей», или «семантических полей». Накоплены свидетельства тому, что межсловесные связи вырабатываются в жизненном опыте и оказываются достаточно стабильными. Все слова человеческого лексикона хранятся «внедренными» в материю вербальной сети, и этой материи принадлежит важная роль в общем речезыковом механизме. Эти данные составляют физиологическое основание современных представлений об организации вербальной памяти человека. В форме вербальных ассоциаций такого рода связи описываются и активно исследуются в настоящее время в психолингвистике.

В русле направления, получившего название бихевиоризма (behaviour – поведение), разрабатывалась идея исследования речи как особой формы поведения. Возможность описания речи с помощью тех же понятий и представлений, что другие формы поведения человека, обстоятельно аргументирована в книге Б. Ф. Скиннера *Verbal behaviour* (1957). Люди приучаются употреблять определенную речевую форму в некоторых повторяющихся ситуациях. Это есть по сути обусловленная вербальная реакция. Она подкрепляется взаимным пониманием людей и их адекватными действиями. Повторное возникновение данной ситуации автоматически вызывает выработанную вербальную реакцию в скрытой или явной форме. Словесная реакция может служить побудительным стимулом для другой словесной реакции. Возникает цепь рефлекторных актов, используемых людьми в общении между собой. Эта цепь образует «вербальное поведение».

Б. Ф. Скиннер

Бихевиористский подход к речи направлен на выявление в сложных процессах речевого общения людей некоторых повторяющихся стереотипных форм, поддающихся относительно простому описанию. Это направление в известном смысле сохраняет свое значение в наши дни. Однако современные исследования в значительно большей степени ориентируются на нестереотипные, продуктивные и творческие возможности речи. Внимание скорее привлекает то, что область речи предоставляет обширное поле для человеческого творчества.

* * *

Кратко рассмотренная выше история идей и подходов к выяснению природы феномена языка и речи обнаруживает множественность попыток познания по сути вершинной сущности психики человека. Она показывает также огромную, быть может, непостижимую сложность рассматриваемого объекта.

А теперь попробуем выяснить, что нового в психолингвистическое поле проблем принес последующий период, который стал называться собственно психолингвистическим.

Литература к разделу 2.1

- Алпатов В. М.* История лингвистических учений. М., 2001.
- Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В.* Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Античные теории языка и стиля. М., 1936.
- Арно А., Лансло К.* Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. Пер. с фр., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой. Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1990.
- Березин Ф. М.* Русское языкознание конца XIX – начала XX века. М., 1976.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1–2. М., 1963.
- Голубева-Монаткина Н. И.* Предыстория психоллингвистики: Герман Пауль // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Звегинцев В. А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М., 1964.
- Зубкова Л. Г.* Общая теория языка в развитии. М., 2002.
- История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Лосев А. Ф.* Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
- Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т.* История науки о языке. М., 2003.
- Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1959.
- Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1974.
- Реформаторский А. А.* Введение в языковедение. М., 1996.
- Слюсарева Н. А.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Ушакова Т. Н.* Психология речи и языка. Психоллингвистика // Психология XXI века под ред. В. Н. Дружинина. М., 2003. С. 353–396.
- Фортуатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. 1–2. М., 1956.
- Skinner B. F.* Verbal behaviour. 1957.

2.2. Этап современной психолингвистики

2.2.1. Начало¹⁴

Возникновение современной психолингвистики датируют 1953 годом, когда на семинар в Блумингтоне собрался цвет психологического и лингвистического сообщества, возглавлявшийся такими крупными учеными, как Ч. Осгуд, Дж. Кэрролл, Ш. Себеок. В результате двухмесячной работы группы на берегу океана появилась книга *Psycholinguistics. A survey of theory and research problems*. Ed. by Ch. Osgood and T. Sebeok. Baltimore, 1954. Она заложила основу большого и динамичного научного направления, продолжающего сейчас свое активное развитие. Она дала ему имя и утвердила идею соединения подходов и знаний двух к той поре разделенных областей – психологии и лингвистики. Такое соединение было осуществлено на основе теоретической модели поведения, предложенной Ч. Осгудом.

Имя этого психолога хорошо известно в нашей стране главным образом благодаря его разработке в области так называемого семантического дифференциала. Гораздо меньше известна у нас судьба ученого и его место в истории науки, что побуждает дать здесь небольшую биографическую справку о нем. Чарльз Осгуд родился в 1916 году в американском штате Массачусетс и в юности мечтал о карьере писателя. Однако встреча в 1935 г. с профессором психологии Т. Карвоски в Колледже Дартмута переменила его планы. Карвоски определил профессиональный путь Осгуда, остававшегося под влиянием учителя всю свою профессиональную жизнь. Будучи еще совсем молодым, с 1940 по 1946 Осгуд преподавал в Йельском университете. После Йеля некоторое время служил в военно-воздушных силах США. Позднее перешел на преподавательскую работу в Университет Коннектикута, где была подготовлена одна из наиболее значительных его книг «Метод и теория в экспериментальной психологии», вышедшая в свет в 1953 г... С 1950 г. Осгуд стал преподавать в Университете Иллинойса, где и оставался до конца жизни (сентябрь, 1991 года).

В 1960 г. работы Осгуда были отмечены наградой Американского психологического общества, а его самого тремя годами позднее избрали Президентом Общества. В 1972 г. он стал членом Национальной Академии Наук США. Долгое время Осгуд оставался высоко продуктивным в своей работе вплоть до тяжелой болезни, послужившей причиной его смерти.

¹⁴ Автор раздела Т. Н. Ушакова.

Ч. Осгуд

Центром теории Ч. Осгуда является уровневая модель поведения. Эти уровни следующие: Мотивационный (его единицы – предложения), Семантический (единицы – словесные элементы предложения), Уровень последовательностей (единицы – фонетически оформленные слова), Интеграционный (единицы – слоги). Модель охватывает общим каркасом основные этапы речевого процесса у человека, начиная с восприятия речи, включая внутреннюю переработку речевого материала и кончая произнесением речи. Предметом психолингвистики Осгуд считал «репрезентативные посредствующие процессы» («representational mediation process»). Модель Осгуда в наши дни нередко называют бихевиористской, вкладывая в это определение упрек в упрощенчестве. При этом забывается, что Осгуд ориентировался на бихевиористские разработки с целью прояснить неясности, существующие в этой теории.

Кроме общей модели речевого процесса, важными оказались его разработки семантического аспекта. С его именем связано возникновение направления, получившего имя психо-семантики и приобретшего многих последователей. В 1957 году им предложен путь количе-

ственного измерения субъективной семантики слов, так называемый метод семантического дифференциала. К этому времени относится одна из наиболее известных его работ «Измерение значения» (Measurement of Meaning), подготовленная в соавторстве с его коллегами П. Танненбаум и Г. Суси. В основу метода положен прием субъективного шкалирования испытуемым предъявляемых слов по выявленным автором шкалам. По экспериментальным данным этими шкалами оказались: оценка («хороший-плохой»), сила («сильный-слабый»), активность («активный-пассивный»). Предъявляя испытуемым разные слова с задачей определить выраженность изучаемого признака на соответствующей шкале (значения от +3 до -3), исследователь выявляет семантические различия (семантическую дифференцированность) предлагаемых слов. Область современной психосемантики существенно расширилась, в нее входят исследования структур сознания человека, социологические исследования массового сознания, массовой коммуникации, психология рекламы, исследование содержания текстов и мн. др. (В. Ф. Петренко, Е. Ю. Артемьева, А. Г. Шмелев и др.).

Идеи метода измерения семантического дифференциала вызвали ожесточенную критику современников (Р. Браун, Н. Хомский и др.). Несмотря на это они оказались привлекательными для многих исследователей и широко распространились в психологии, в том числе и в нашей стране. Осгуд продолжал работу по теме, повернув ее в кросскультурном аспекте, и предложил разработанную на ее основе стратегию избегания вооруженных конфликтов, которая получила государственное признание.

В более поздней работе 1980-го года Ч. Осгуд разрабатывает понятие глубинной когнитивной системы, обеспечивающей переработку семантической информации. По его мнению, система грамматики языка является вторичной по отношению к общей семантической системе психики человека. Последняя обрабатывает как языковой, так и перцептивный материал, включает сферу отвлеченных понятий. Многие элементы семантической системы складываются в раннем детском возрасте, еще в доязыковом познании. Понимание и создание речевой продукции в большой мере зависит от общей базы знаний человека, контекста речи и понимания действительности говорящим и слушающим. Здесь мы видим большое сходство тезисов Осгуда с идеей Н. И. Жинкина об универсальном предметном коде внутренней речи (см. ниже), предложенной существенно раньше по времени. Построение речи, по Осгуду, направляется не столько логическими основаниями, сколько семантическими медиационными признаками элементов лексикона, словами. Здесь автор фактически реализует свои ранние психосемантические представления: дифференциально-семантические признаки, выразители эмоционально-оценочного отношения, по его мысли, представляют собой наиболее обобщенную форму знаний о мире. Они и являются теми медиаторами, которые объединяют мир и язык.

Работа Осгуда стимулировала множество исследований и публикаций, трактующих психолингвистические проблемы. В различных странах мира возник живой интерес к новой науке, к психолингвистическим исследованиям обратились многие психологи и лингвисты. Психолингвистика нашла отражение в энциклопедических изданиях; появились специализированные журналы, публикующие результаты проводимых экспериментальных исследований.

Примерно через 10 лет начался новый этап психолингвистики, связанный с именем Н. Хомского и обращением к так называемой трансформационной, или генеративной грамматике. Согласно представлениям Хомского, при формировании всякого высказывания (предложения) в мышлении человека складывается система суждений, выражающих значение предложения, и эта система образует глубинную структуру предложения. Она состоит из системы категорий абстрактного характера. При посредстве специальных операций – грамматических трансформаций – глубинная структура преобразуется в поверхностную структуру, также состоящую из системы категорий и элементов теперь уже конкретного характера. В частности, расположение

и взаимосвязь слов в поверхностной структуре такие, какие мы слышим в производимой речи. На следующем шаге языковых операций к поверхностной структуре применяются трансформации фонетического характера, в результате чего образуется звучащая речь.

Н. Хомский

Названные компоненты образуют, по мысли Хомского, универсальную грамматику языка, используемую каждым говорящим человеком. Природа грамматики включает, таким образом, способность приписывать глубинную и поверхностную структуры бесконечному множеству предложений, соотносить эти структуры соответствующим образом, приписывать семантическую интерпретацию глубинным структурам и фонетическую интерпретацию поверхностным структурам (Хомский, 1972, с. 41). Такого рода система создает возможность для свободного, творческого использования языка. Хомский подчеркивает, что новаторский

характер, свобода от воздействия внешних стимулов, бесконечное разнообразие и тесная связь с человеческим интеллектом составляют характерную черту языка. В связи с этим науку о языке, лингвистику, он считает составной частью психологии. Интересно отметить, что общие представления Хомского о протекании речепроизводящего процесса оказываются психологическими по своему характеру.

Другое дело его разработки тех конкретных операций, которые требуются для характеристики глубинных и поверхностных структур и перехода от одних к другим. Эти операции представляют собой формальные трансформации элементов синтаксических структур. Поверхностные и глубинные структуры, согласно трансформационной грамматике, соотносятся между собой строгим образом. Существует однозначный алгоритм с фиксированными операциями, чтобы вычислительная машина произвела этот перевод. Владение человеком каким-либо языком представляет собой владение грамматикой, которая порождает бесконечное множество глубинных структур, отображает их на поверхностных структурах, выражает семантические отношения и задает фонетическую интерпретацию. «Грамматика этого типа, – пишет Хомский, – задает, следовательно, определенную бесконечную корреляцию звука и значения» (там же, с. 42).

На основе такого рода рассуждений лингвистическая модель была перенесена на функционирование психики, и на ее основе построены экспериментальные исследования с целью показать «психологическую реальность» грамматических трансформаций в речевой деятельности человека. Проводились измерения микроинтервалов времени, в течение которого испытуемые производили в эксперименте трансформационные операции: переводили активные утвердительные предложения в пассивную, отрицательную, вопросительную и др. формы (Дж. Миллер и К. МакКин, 1964). Изучалось запоминание предложений разной трансформационной сложности (Ж. Мелер, 1963; А. Сэвин и С. Перчонок, 1965). Исследовался процесс сопоставления наглядно воспринимаемого материала (картинок) и описывающих их предложений разной трансформационной структуры (Д. Слобин, 1966; Д. Го, 1965, 1966).

Результаты проведенных экспериментов первоначально, казалось бы, свидетельствовали в пользу трансформационной грамматики, однако, со временем стали накапливаться расхождения с ней. Трансформационная гипотеза подтверждалась лишь при искусственных условиях оперирования языком. Когда же человек использует язык в естественной функции, с полноценным включением семантических отношений, соответствие исчезает.

Такой результат исследований привел к отходу от трансформационной грамматики и повороту в сторону собственно психологических проблем, связанных с речевой деятельностью.

Литература к разделу 2.2.1

- Ахманова О. С. О психолингвистике. М., 1957.
Белянин В. Психолингвистика. М., 2003.
Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.
Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1999.
Ушакова Т. Н. Психология речи и языка. Психолингвистика // Психология XXI века. Ред. В. Н. Дружинин. М., ПЕР СЭ, 2003.
Хомский Н. Язык и мышление. Пер. с англ. М., 1972.
Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Пер. с англ. М., 1972.
Osgood Ch. E. Sebeok T. A. (Eds). Psycholinguistics. A survey of theory and research problems. Baltimore. 1954.
Osgood Ch. E., Suci G. J. Tannenbaum P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

2.2.2. Психолингвистика в нашей стране¹⁵

В очерке истории психолингвистики (Раздел 2.1.) показаны истоки возникновения и развития психолингвистической мысли в общемировом контексте. Обращаясь к теме предшественников в нашей стране, принято и стало привычным указывать более близких и, в большей мере, психологически, нежели лингвистически, ориентированных авторов. Психолингвистические направления, развившиеся у нас, ссылаются на различных своих идейных предшественников. Чаще других в этом контексте называются имена психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и некоторых других. Названные авторы, хотя и не были в прямом смысле психолингвистами, однако, оказали несомненное влияние на последующие психолингвистические разработки.

2.2.2.1

Одной из ранних фундаментальных разработок, проведенных конкретно в области психологии языка и речи, стали у нас *исследования Н. И. Жинкина*, много лет работавшего в Москве в Институте психологии, основанном Г. И. Челпановым. В 1958 г. вышла известная книга Н. И. Жинкина «Механизмы речи», обобщающая его многолетние работы и привлекающая к этой теме многих специалистов. Основной фактический материал, представленный в книге, строился на кинорентгенографической съемке артикуляторных органов во время произнесения испытуемыми заданных фраз. Направленность же всего исследования состояла в том, чтобы на основе этой модели выявить общие правила и закономерности функционирования механизмов речи. В работе были выделены два принципиальные механизма, действующие при произнесении: один из них управляет дискретными структурами (артикуляторными), другой – образует непрерывность, плавность говорения (слогообразование). Переходя от этого случая к общему механизму, Н. И. Жинкин высказал тезис, что и язык является системой дискретных элементов пяти уровней (начиная с дифференциальных признаков и кончая алфавитом сочетаемости слов) (1998, с.81). В противопоставлении с этим речь осуществляет непрерывное регулирование в форме отбора звуков для составления слов и отбора слов для составления предложений.

Изучение артикуляторных, внешне регистрируемых проявлений привело автора к представлению о внутренней речи как важнейшему элементу речемыслительного механизма. В этом звене, полагал он, происходит перевод воспринимаемого текста на внутренний код, причем этот код является универсальным и предметным (УПК). С его помощью принимающий речь человек преобразует ее в модель отрезка действительности. «Понимать надо не речь, а действительность», – остроумно отметил автор (Жинкин, 1982, с. 92). Идея образного кода внутренней речи приобрела многих сторонников.

В более поздних своих работах Н. И. Жинкин рассматривал широкий спектр вопросов функционирования речи и языка в контексте проблем передачи информации (1998, с. 8–36; 1982). В то же время он подчеркивал необходимость разработки общих проблем распознавания и синтеза речи с опорой на конкретные экспериментальные и психофизиологические данные.

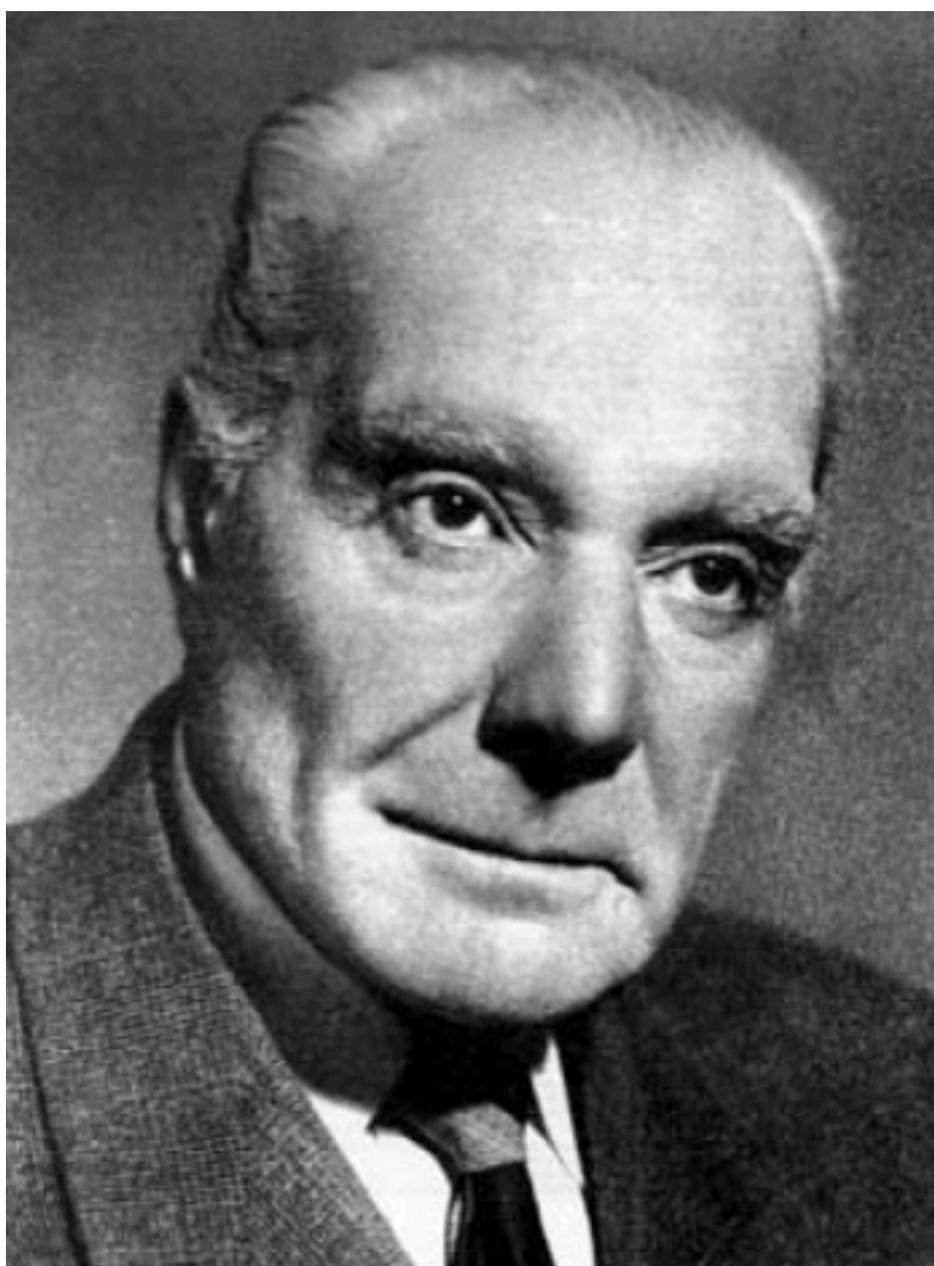
Н. И. Жинкин имел многочисленных последователей (И. А. Зимняя, Т. М. Дридзе, А. И. Новиков, В. И. Тункель, Г. Д. Чистякова и др.), развивших и продолживших его начинания. В исследовании И. А. Зимней разработана модель формирования и формулирования мысли

¹⁵ Авторы разделов: 2.2.2.1–2.2.2.2 – Т. Н. Ушакова; 2.2.2.3–2.2.2.4 – И. Ю. Марковина, И. В. Ружицкий, Т. Н. Ушакова; 2.2.2.5 – Т. Н. Ушакова; 2.2.2.6 – И. В. Королева и Т. В. Черниговская; 2.2.2.7 – Т. Н. Ушакова и В. И. Шховский.

посредством языка (1985). Ею подчеркнута роль мотивации при говорении, разграничен предмет говорения (мысль), средство говорения (язык) и способ (речь).

2.2.2.2

В развитии отечественной психолингвистики важную роль как в организационном, так и научном плане сыграл коллектив исследователей, объединившихся под именем *Московской психолингвистической школы*, возглавляемой А. А. Леонтьевым. Уже с 1960-х годов стали выпускаться книги, дающие информацию об основных позициях зарубежной психолингвистики, организовывались постоянно действующие семинары, велись исследовательские разработки, предложена теория речевой деятельности (Леонтьев, 1965, 1967, 1969). Методологической базой явилась теория деятельности, выдвинутая в 1950–1970-х гг. А. Н. Леонтьевым, а также психологические разработки Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, Н. И. Жинкина.

Н. И. Жинкин

С. Л. Рубинштейн

Теория речевой деятельности, разработанная А. А. Леонтьевым и его коллегами, опирается на ряд постулатов (Леонтьев, 1999, с. 61–71):

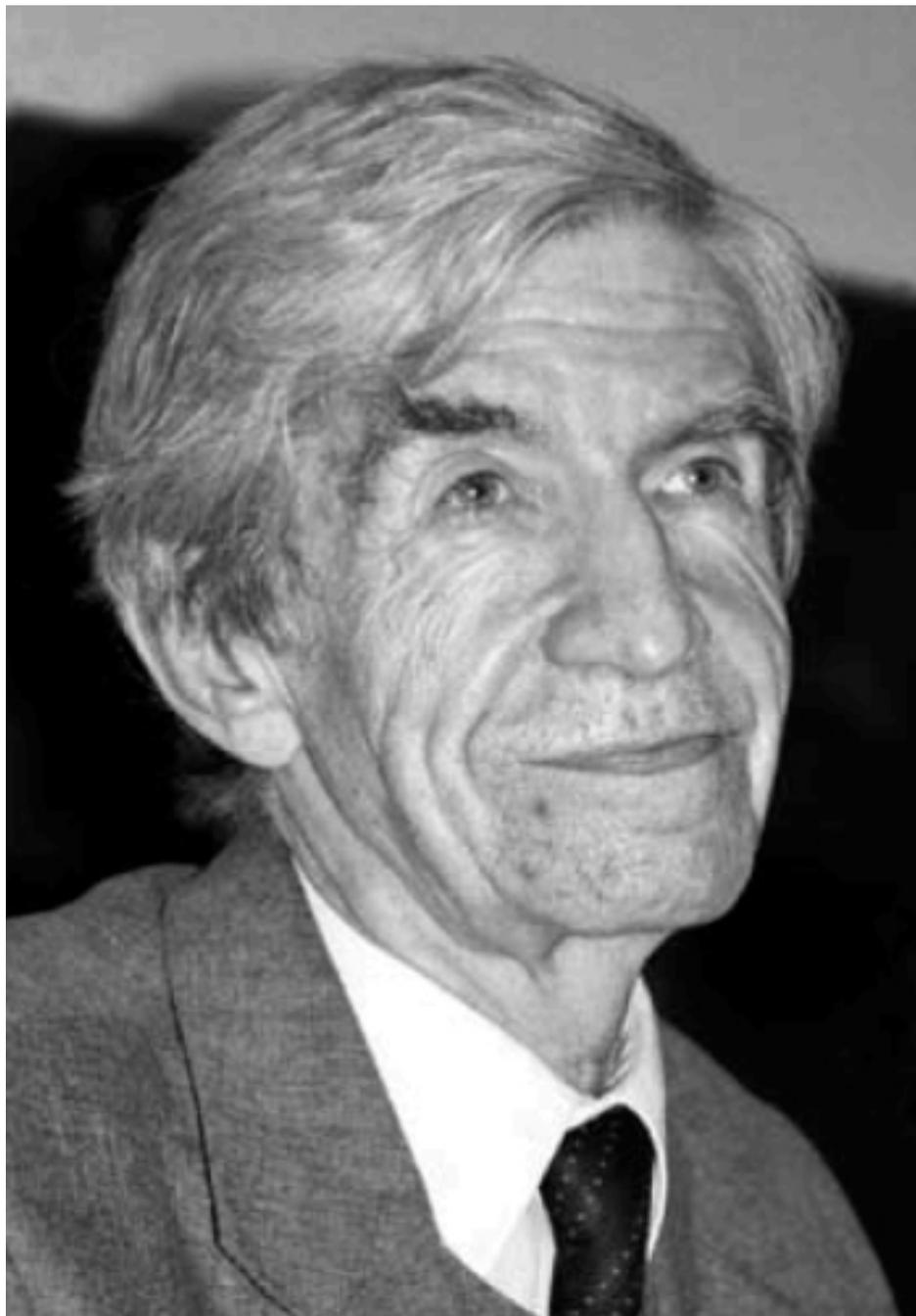
– Единицей психолингвистического анализа является элементарное речевое действие и речевая операция. Эти единицы имеют психологический характер и не рассматриваются как корреляты используемых в речи языковых единиц.

– В единицах психолингвистического анализа выделяются основные признаки речевой деятельности: предметность, целенаправленность, мотивированность, иерархическая («вертикальная») и фазная («горизонтальная») организация.

– В речевой деятельности предполагается действие «эвристического принципа», осуществление выбора стратегии поведения, гибкость оперирования с элементами речи и языка.

– Подчеркивается значение взаимоотношений отображения (образа) и деятельности (процесса).

– Предполагается активный характер процесса речевосприятия: включение в перцептивный процесс актов, воспроизводящих его порождение.

А. А. Леонтьев

Центральной частью теории речевой деятельности стала принципиальная схема порождения речи. Первый этап этого процесса состоит во *внутреннем программировании* будущего высказывания. Его «содержательное ядро» закладывается на этом этапе. Элементы этого ядра имеют образный характер (предметно-схемный или предметно-изобразительный код, по Н. И. Жинкину). Внутренняя программа представляет иерархию пропозиций, которая формируется у говорящего на основе ориентировки в окружающей ситуации.

На следующем этапе *грамматико-семантической реализации* внутренней программы выделяется ряд процессов и подэтапов. Происходит перевод программы на объективный код путем замены единиц субъективного кода набором семантических признаков слова, создание комплекса иерархически организованных единиц объективно-языкового кода (тектограмма-

тический подэтап). Осуществляется линейное распределение кодовых единиц высказывания (фенограмматический подэтап). Каждому элементу из комплекса иерархически организованных единиц придаются полные языковые параметры: определяется его место в синтаксической схеме высказывания; приписываются «грамматические обязательства»; определяется полный набор семантических и акустико-артикуляторных признаков (подэтап синтаксического прогнозирования). На подэтапе синтаксического контроля происходит сличение созданного варианта высказывания с программой, контекстом, ситуацией, порой осуществляется возврат к предыдущим этапам и корректировка речевого продукта. Вслед за протекшими процессами наступает этап *моторного программирования*, связанный с порождением звучащей речи.

Во многом сходную структуру и последовательность этапов порождения высказывания описывает Т. В. Ахутина (1989, 2002), используя как основание своей модели данные афазических расстройств. Отмечается, что анализ текстов больных с нарушением внутреннего программирования и грамматического структурирования дал основания для построения модели порождения речи. На первом этапе во внутренней речи строится внутреннеречевая схема, адекватно передающая содержание мысленного представления субъекта, и осуществляется выбор смыслов во внутренней речи. На последующем втором этапе ситуативно-смысловой синтаксис заменяется объективными языковыми значениями и включением семантического синтаксиса, происходит выбор языковых значений слов. При этом реализуется как бы «двусторонний процесс» действия и его контроля. На следующем 3-м этапе происходит грамматическое структурирование, связанное с выбором слов по форме. На заключительном четвертом этапе осуществляется моторное (кинетическое) программирование, выбор артикулем, что завершается внешне выражаемой речью (2002, с. 134–135).

2.2.2.3

В связи с теорией речевой деятельности развито направление, получившее именование *этнопсихолингвистики*. Исходный тезис состоит в том, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым „перекодированием“ перевести на язык культуры другого народа» (Леонтьев, 1993, 20). Национально-культурная специфика речевого общения складывается из системы факторов, обуславливающих особенности процессов общения, характерных для данной культурно-национальной общности (или языкового коллектива). Эти факторы связаны с культурной традицией; социальной ситуацией и социальными функциями общения; этнопсихологией в узком смысле слова, т. е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности; спецификой языка в данной общности.

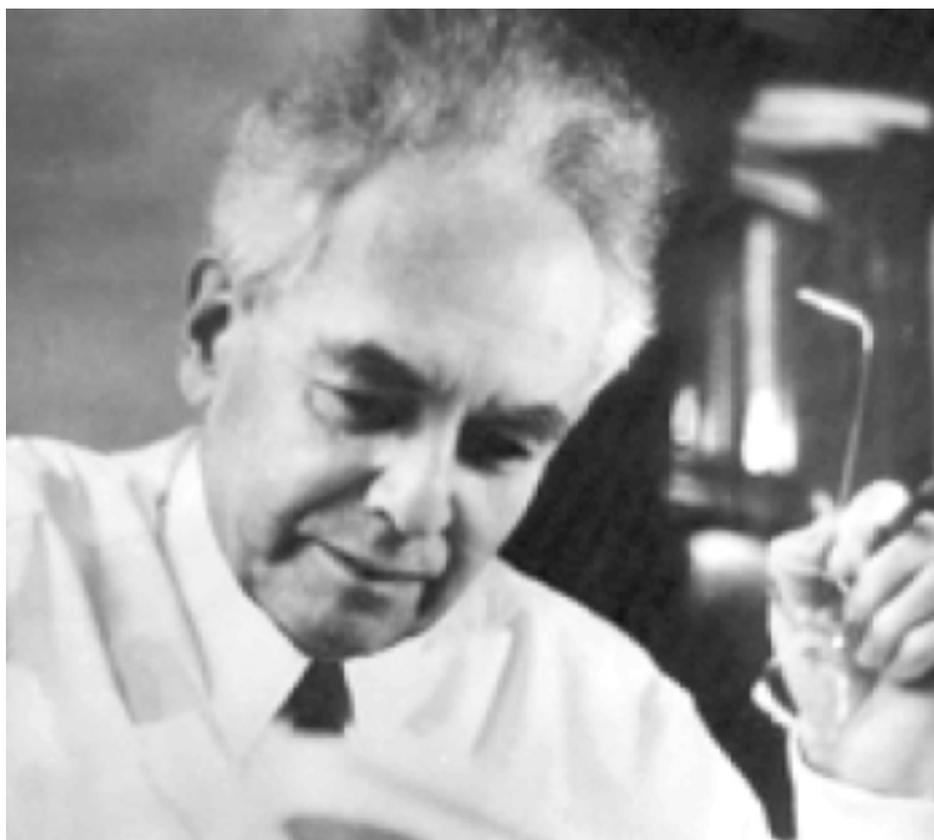
Л. С. Выготский

Этнопсихоллингвистика – область психоллингвистики, изучающая национально-культурную вариантность речевых операций, действий, целостных речевых актов; особенности языкового сознания коммуникантов; организацию процессов речевого общения. По мнению Ю. А. Сорокина, «ядром предметной области, которое надлежит исследовать в рамках этнопсихоллингвистики, является идеологическая семантика (семантика генеза и взаимосвязи значений), надстраиваемая над технической семантикой» (Сорокин, 1998, 123).

Опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т. е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира, составляет языковое сознание говорящего человека (Е. Ф. Тарасов, 1996).

Многие этнопсихоллингвистические исследования в отечественной науке проводились силами исследователей сектора психоллингвистики и теории коммуникации Института языко-

знания АН СССР, издавшими ряд коллективных монографий: *Национально-культурная специфика речевого поведения*, М., 1977; *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР*, М., 1982; *Этнопсихолингвистика*, М., 1988. В рамках данного направления большое место заняли исследования, использующие технику ассоциативного эксперимента с целью выявления специфики связей между словами в речи и национально-культурной специфики семантики слов в разных языках и культурах. В этой области в Твери продуктивно работает коллектив под руководством А. А. Залевской (Залевская 1971, 1979, 1988, 1992; Дмитриук, 1983; Овечкина, 1978, Рогожникова, 1988; Шмелева, 1988; Лачина, 1994).

А. Р. Лурия

На основании установленных в исследованиях фактов авторы пришли к возможности выявления взаимопонимания или расхождения в понимании при межэтнических контактах и прогнозирования вероятных «критических моментов». В рамках теоретического аспекта темы описывается специфика категоризации окружающего мира в индивидуальном сознании, дается характеристика схем хранения знаний о мире, взаимодействия языковых и энциклопедических знаний, рассматривается эмоциональный опыт индивида и др. (Залевская, 1992, 1995, 1997).

Особое направление в этнопсихолингвистике, ориентированной на исследование межкультурного общения, составили работы Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной, обратившихся к теме непонимания, неприятия элементов вербального и невербального поведения в межкультурном общении. Такое непонимание возникает потому, что для межкультурного диалога необходима общность не только языка, но также знаний и представлений об окружающем мире. Такого рода различия в сознаниях общающихся людей обозначаются термином *лакуны*. Согласно названным авторам, лакуны – это «белые пятна» на семантической карте одного общающегося человека по сравнению с его собеседником. Эти «пятна» могут не замечаться до момента встречи людей и фактического сравнения содержаний их сознания.

Лакуны разделяются на лингвистические и культурологические. Первые из них значимы при переводе с одного языка на другой. Культурологические лакуны связаны с национально-психологическими и общепсихологическими особенностями коммуникантов и накладывают свой отпечаток на все формы речевого и неречевого поведения людей. Факт существования лакун в производимой человеком письменной и устной продукции приводит авторов к представлению о тексте как явлении культуры (Антипов и др., 1989).

Значительное место в этнопсихолингвистических разработках заняла тема *организации и функционирования ментального лексикона*. Основным предметом исследований стали вербальные ассоциации человека, изучаемые на материале разных языков (А. А. Залевская, 1977, 1990; Ю. Н. Караулов, 1976, 1994; Н. В. Уфимцева, 1993, 1998, И. А. Стернин, 2004 и др.). На основе экспериментальных фактов разработаны теоретические представления об организации ассоциативных полей, видах вербальных связей, их функционировании как средства доступа к информационному тезаурусу человеческого сознания, о возможности кодирования значения в констелляциях слов. Этот круг работ ориентирован на выявление и феноменологическое описание межсловесных, ассоциативных связей, обнаруживаемых у людей различной этнической принадлежности, возрастов, образования.

В нашей стране феномен межсловесных (ассоциативных) связей изучен также и в другом контексте. Были проведены исследования психофизиологического характера, направленные на выявление происхождения и природы межсловесных связей (О. С. Виноградова, 1959; А. Р. Лурия и О. С. Виноградова, 1971; Т. Н. Ушакова, 1976, 1979, 1991). Такого рода экспериментальные данные, проливающие свет на физиологический механизм связанности слов в нервной системе человека, к сожалению, мало учитываются при этнопсихологических разработках.

2.2.2.4

В контексте психолингвистических разработок заметное место заняла *проблема языка и сознания*, образа мира говорящего человека, языковой личности (В. П. Белянин, 1996; Ю. Н. Караулов, 1987; Е. Ф. Тарасов, 1996; Н. В. Уфимцева, 1993; Т. Н. Ушакова и др., 1995). Немало различных разработок проведено в направлении психологического исследования текста (Н. И. Жинкин, Т. М. Дридзе, Т. Н. Ушакова, Н. А. Алмаев, Н. Д. Павлова, и др.). Названные разработки раздвигают границы исследований, ориентированных в большей степени на собственно лингвистические феномены, и акцентируют психологическую составляющую.

Со своими особенностями *проблема языкового сознания* разрабатывается также на кафедре общего языкознания и стилистики Воронежского университета (И. А. Стернин, Н. А. Лемяскина, М. Е. Новичихина, З. Д. Попова, Е. Б. Чернышова и др.). Проводится различие между языковым, коммуникативным и когнитивным сознанием. *Когнитивное сознание* связано с познавательной деятельностью, осуществляемой человеком. *Языковое сознание* – это совокупность психических механизмов порождения и понимания речи, а также хранения языка в сознании. Оно включает семантику языковых знаков, смысловое содержание, закрепленное за языковыми знаками. *Коммуникативное сознание* образуется совокупностью знаний и механизмов, обеспечивающих коммуникативную деятельность человека, и включает: коммуникативные установки сознания, совокупность коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм правил ведения общения.

Разрабатывается идея различения языковой и когнитивной картины мира, языковых единиц и концептов. В этой связи используется метод когнитивной интерпретации языковых единиц и моделирование концептов в национальном, групповом и индивидуальном когнитивном сознании. Предметом когнитивной лингвистики принимается значение языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт. Когнитивная интерпретация семантики языковых единиц – основная задача этой науки.

Одно из направлений работ кафедры состоит в разработке теории и практики речевого воздействия, изучении особенностей риторических текстов, коммерческой номинации, рекламы, делового диалога.

Ориентация на психологический аспект ярко выражена *в проблеме языковой личности*, разрабатываемой Ю. Н. Карауловым с сотрудниками. Согласно названному автору, структура языковой личности состоит из трех взаимосвязанных уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического. К вербально-семантическому уровню относятся структуры языковой семантики, смысловой связи слов, лексико-семантических отношений. Этот уровень функционирует в устной и письменной речи, при восприятии слов и их подборе, использовании грамматических структур, понимании и порождении текстов и др.

Когнитивный уровень охватывает систему ценностей и смыслов в картине мира человека. Единицами этого уровня являются понятия, идеи, концепты, связанные не только с личностными особенностями человека, но и общечеловеческими знаниями. На этом уровне функционирует, таким образом, тезаурус коллективных знаний. Он позволяет людям, принадлежащим к разным языковым обществам и культурам, понимать друг друга. В тезаурусе когнитивного уровня хранятся обобщенные понятия, разного рода знания человека: именованья людей, мест, событий; профессиональный опыт и т. п.

Прагматический уровень играет, по мысли автора, главенствующую роль в структуре языковой личности. На его основе осуществляется мотивация речи, реализация деятельностно-коммуникативных потребностей. На этом уровне существует свой тезаурус: коммуникативная сеть, коммуникативные ситуации и роли, цели, мотивы, интересы, установки, оценки, интенциональности. На основании прагматического уровня осуществляется не только речевая деятельность как таковая, но включение речи в реальную деятельность человека в мире.

Концепция языковой личности рассматривается в настоящее время как составная часть лингвокультурологии, или антропологической лингвистики. Ее общая ориентация состоит в акцентировании роли языка в социуме, на основе чего возможно выделение групповых и индивидуальных вариаций языковой личности: носителей социолектов, диалектов, идиолектов, а также отдельных субъектов – исторических личностей, писателей, актеров и т. п.

2.2.2.5

Когнитивно ориентированный подход в отношении речезыковой способности человека развит в коллективе Лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН (Ушакова, 1979; Ушакова, Павлова, Зачесова, 1989; Ушакова, Латынов, Павлова, Павлова, 1995; Ушакова, Павлова, Латынов, Цепцов, Алексеев, 2000; Ушакова, 2004; Алмаев, 1998, 2004 и др.). Центральным результатом исследований этого направления явилась разработка модели структуры и функционирования целостного рече-мысле-языкового механизма. Данные по этой разработке более подробно представлены позднее в этой книге в разделе 3.4. Здесь приводятся лишь главные характеристики разработки.

Модель-схема в информационной форме обозначает основные компоненты (блоки) механизма и их связи, результатом функционирования которых является создание и понимание осмысленной речи. Значительная часть модели соответствует элементам *языкового опыта*. В структуру этой части включены описанные в лингвистике языковые операции, конкретизированные также с психологической стороны: употребление слов, грамматических структур, построение текстов. Используются также эмпирические данные о роли морфемных элементов, функционировании вербальной сети. В целом эта часть модели выделяет скрытые, приобретаемые и стабильно сохраняемые в течение жизни человека структуры, заслуживающие их характеристики как языковых. Они необходимы для функционирования продуктивной и динамично организуемой речи.

Другая составная часть схемы отражает участие в порождении и восприятии речи тех выходящих за пределы собственно речезыкового механизма структур, которые оказываются непосредственными участниками производства осмысленной человеческой речи, выражающей смысл, базирующейся на приобретаемом опыте и связанной с личностной и эмоциональной организацией говорящего. Это: *структуры репрезентации действительности, личностные образования, интеллектуальные операции*.

Весьма любопытным и непрогнозируемым без наличия соответствующих эмпирических данных оказывается звено, обозначенное как иницирующий, побудительный источник речи, *кумулятивно-побудительный блок*. Его необходимость вытекает из того, что речь представляет собой активный и продуктивный процесс: с помощью слов мы просим, требуем, выражаем свои чувства и мысли, стремимся воздействовать на окружающих людей. Слово работает, словом мы активно действуем.

В модели представлены также блоки *Восприятия* и *Произнесения речи*. По отношению к содержанию речи и ее языковому выражению эти блоки могут рассматриваться как периферические, выполняющие функции перекодирования поступающих извне физических сигналов во внутренний мозговой код при восприятии и перекодирования внутренних сигналов в команды артикуляторным органам при говорении.

Обращение к модельной форме описания такого сложного явления, как осмысленная речь и язык, оказывается полезным, поскольку служит компактному и наглядному представлению научного видения автора, облегчает переход к разработкам автоматической компьютерной обработки речи. Предложенная модель направлена на описание *структурных элементов* речезыкового механизма, где динамика процесса выражена в неявной форме. Модели структурного вида обладают той полезной стороной, что содержат в себе потенцию последующего их соотнесения с исследованием локализации речезыкового механизма в мозге говорящего человека, а также более подробной разработки динамического аспекта функционирования механизма.

Ряд аспектов организации и функционирования модели разработан в коллективе в теоретико-эмпирическом плане. Одним из них явились исследования *речевого онтогенеза* детей, начиная от нескольких дней после рождения до школьного возраста. На ранних этапах речевого развития выявлена значимость спонтанного проявления элементов биологической природы речезыковой способности и конкретизирован их характер. Спонтанность развития элементов языковой системы ребенка, обеспечивающих грамматические операции, показана и в более позднем возрасте, 2–7 лет (Ушакова, 1979, 2004).

На основании совокупности полученных данных развита гипотеза о механизме, определяющем «энергетику» работы речезыковой системы и так называемую кумулятивно-побудительную функцию. Эта функция, обнаруживаемая с момента рождения ребенка, обеспечивает побудительный потенциал в последующем развитии, образовании оригинальных детских словесных форм (словотворчества), проявлении эгоцентрической речи. Во взрослом и в особенности старческом возрасте потребность в речевой экспрессии выражается в стремлении людей рассказывать то, что связано с эмоциями индивида, огорчает, радует. В общем случае любое высказывание человека реализуется постольку, поскольку получает побудительный толчок. Побудительная к речи функция присутствует у человека по сути всю его жизнь от рождения до старости, несколько меняя свою форму, но сохраняя главное качество побудительности.

С психофизиологической позиции эта функция представляет собой потребность экспрессировать внутренние состояния субъекта с помощью внешних проявлений. Поступающие в мозг впечатления, сенсорные и другие сигналы, эмоциональные состояния вызывают тенденцию к осуществлению той или иной ответной реакции, реагированию движением. С начального от рождения момента хаотичного и диффузного реагирования, шаг за шагом дифференцируясь и специализируясь, эта способность развивается в начатки речи и языка. Этот механизм

становится основой как бы внутренней активности речи, ее интенциональной направленности, проявляющейся, по сути, на протяжении всей жизни человека.

В коллективе Лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН проведен цикл эмпирических исследований интенциональных направленностей речи взрослого человека. Подвергнуты анализу тексты современных политических выступлений в стране с целью выявления и описания их интенциональных особенностей (Ушакова, Латынов, Павлова, Павлова, 1995; Ушакова, Павлова, Латынов, Цепцов, Алексеев, 2000; Алмаев, 1998, 2002, 2004). Предложена теоретическая структура психологического анализа текста. Разработан эмпирический метод интен-анализа, с применением которого выявлены разного типа ментальные структуры, направляющие речевую активность говорящего в различных ситуациях ведения политических дискуссий: при конфликте, предвыборном выступлении, телевизионных дебатах, в газетных публикациях и др.

В работах названной лаборатории значительное место заняли экспериментальные исследования психофизиологического характера. Проведен цикл работ с применением метода тестирующего стимула, разработанный в школе Е. И. Бойко (Бойко, 2002). Метод дает возможность изучать характеристики состояний локальной возбудимости (активности) в элементах когнитивной системы, вовлеченных в текущую рече-мыслительную деятельность. Начиная с 1970 г. этот показатель использовался в экспериментах, где испытуемые осуществляли акты умозаключений на основе словесных данных, разного типа вербальные операции (Ушакова, Байтикова, 1976; Ушакова, Павлова, 1981; Ушакова, Павлова, Зачесова, 1989). В цикле экспериментальных и теоретических работ исследовались вербальные ассоциации, «семантические поля», «вербальные сети» (Ушакова, 1976, 1979, с. 22–75; Ушакова, Раевский, 1974; Яшина 1974). Полученные результаты обнаружили картину закономерных изменений нейродинамики вербальных структур в соответствии с их функциональной ролью в формируемом испытуемым когнитивно-вербальном продукте. Выявлен принципиальный характер нейродинамики некоторых сложных в психофизиологическом плане вербальных актов, черты их сходства с актами наглядных умственных операций. Показана правомерность использования понятия вербальной сети как операционального пространства этого рода актов.

Другая линия разработок шла в направлении поиска путей выявления конкретных мозговых структур, которые связаны с реализацией изучаемых вербальных функций. В 1970-х гг. в Лаборатории был предложен экспериментальный подход с использованием разработок М. Н. Ливанова по регистрации ЭЭГ с множественных участков поверхности мозга во время выполнения испытуемым точно регламентированной психической деятельности. Предложенный подход позволил выявлять зоны мозговой активации при выполнении человеком разного типа вербальных операций (Т. Н. Ушакова, Н. Е. Свидерская, Л. А. Шустова, 1979, 1980, 1985), что стало формой реализации принципа «наложения психического узора на физиологическую канву» (И. П. Павлов). Разработанный в коллективе подход явился первым из работ в направлении, приобретшим сейчас популярность и даже ставшим модным в современной когнитивной психологии (ПЭТ, brain imaging, мозговое картирование и др.).

2.2.2.6

История психолингвистических исследований в Петербурге восходит к классическим работам замечательных лингвистов: В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. М. Пешковского, Н. С. Трубецкого, М. М. Бахтина, Л. В. Щербы, Р. Якобсона.

Находившийся под значительным влиянием физиологических работ И. М. Сеченова и экспериментальной психологии В. Вундта, Бодуэн де Куртенэ фактически заложил в Петербурге основы экспериментального изучения речи. Его работы во многом определили интересы

петербургской лингвистики, в том числе и экспериментальной. Л. В. Щерба писал: «Появление на кафедре гениального ученого, отличавшегося смелостью и оригинальностью мысли, большого общественника, человека кристальной чистоты и вообще одного из самых передовых людей своего времени, сыграло решающую роль в судьбах лингвистики в стенах Санкт-Петербургского, а потом Ленинградского университета... Создалась оригинальная Ленинградская школа лингвистов, явившаяся продолжением того, что Бодуэн насаждал в свое время в Казани...» (Филологический факультет СПбГУ, 2000, с. 146). Это начало имело блестящее продолжение в экспериментальных работах школы Л. В. Щербы и его учеников – в лаборатории экспериментальной фонетики СПбГУ – М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой, Н. Д. Светозаровой, М. В. Гординой, А. С. Штерн и других.

Отдельное место занимают на петербургской психолингвистической карте работы С. Д. Каценельсона, изданные в 2001 году книгой «Категории языка и мышления».

Большую роль в развитии петербургской психолингвистики сыграли Л. В. Сахарный и А. С. Штерн. На базе Санкт-Петербургского государственного университета ими был основан постоянно действующий и по сей день ежемесячный городской психолингвистический семинар, в работе которого в качестве ученого секретаря с самого начала принимала участие нынешний руководитель этой научно-педагогической школы Т. В. Черниговская. Л. В. Сахарный первым стал читать курс психолингвистики на базе кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета. Многие студенты, аспиранты и дипломанты не только СПбГУ, но и других вузов страны смогли получить квалификацию в этой мультидисциплинарной области знаний и продолжают работать в высших учебных заведениях и учреждениях РАН (например, тесные связи поддерживают с петербургской школой ближайшие ученики Л. В. Сахарного и А. С. Штерн из Перми – И. Г. Овчинникова, Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева).

Среди результатов научной деятельности Л. В. Сахарного следует отметить разработку теории текстов-примитивов и анализа многоуровневой тема-рематической структуры текста (Сахарный, 1983, 1989, 1996). Им разработана теория информационного поиска – незаменимого инструмента организации библиотек, в частности, Российской национальной библиотеки, где он долгие годы работал.

Исследования дискурса продолжает и развивает Т.Е. Петрова (2000), в частности, с использованием методики лакунарных текстов. Показано, что говорящий/слушающий (читающий) владеет языковым механизмом предсказания относительно того, какой тип языковых единиц может занимать ту или иную позицию в тексте (Касевич, 1988). Предсказание носит вероятностный характер. Условно можно говорить о линейном и нелинейном предсказании. Было обращено внимание на возможность использования методики работы с лакунарными текстами как в теоретико-лингвистических, так и прикладных целях. Применялась данная методика и при изучении речевого поведения больных шизофренией, что используется сейчас в исследовательском проекте кафедры общего языкознания СПбГУ.

Важную роль в науке играла А. С. Штерн, ученица Л. Р. Зиндера, экспериментальный фонетист, разрабатывавшая, кроме общих тем восприятия звучащей речи и текста, проблемы иерархии лингвистических признаков, влияющих на восприятие, и вопросы статистики в речевых исследованиях (Штерн, 1991, 1992, 2003).

На кафедре общего языкознания успешно функционирует программа по психо- и нейролингвистике, открытая Т. В. Черниговской, пользующаяся большой популярностью как дополнительная специализация для студентов филологического и медицинского факультетов.

Одним из родоначальников петербургского направления в психолингвистике, несомненно, является В. М. Павлов, предлагающий новаторские подходы и разрабатывающий, среди прочего, концепцию полевых структур в строе языка, рассматривая морфолого-центрический и функциональносемантический подходы к представлению структуры языковой

системы, внутриграмматические отношения полевого типа, базовые «полусферы» языковой и речевой действительности (Павлов, 1968, 1994).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.